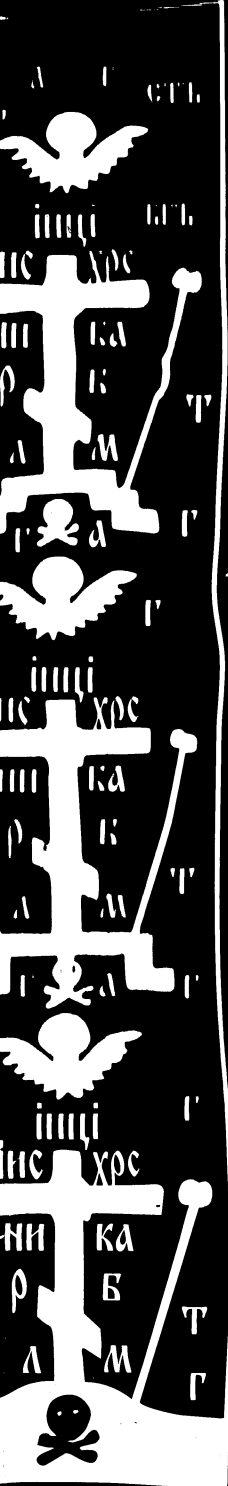

иже съществъ по инѣ илѣ, да ѿвѣржеша себе, и възвратъ къ сѣтѣ вси, и по инѣ рудеть

Михаил Янсон

ВАЛДАЙСКІЕ СТАРЦЫ

иже бо шце хоу
 РАДСТВА
 ПО ЛИНѢ ИГЛИ, А ДА ПУБЕЖЕШСА СЕБЕ, И ВОЗНЕТЕ СЪ ПУТЕМЪ ДО СМЪ

Михаил Янсон

ВАЛДАЙСКИЕ СТАРЦЫ

По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
Алексия II

1-е издание: Янсон Михаил. Валаамские старцы.
Берлин, 1938.

2-е издание: Янсон Михаил. Валаамские старцы.
Москва, 1994.

Издано при содействии издательства и типографии «АГАТ».

ISBN 5-94263-003-8

© Издательство «Учреждение Мастерские Валаамского монастыря», 2003

Предисловие

Валаамские старцы, покинувшие нас и ныне здравствующие, — это дорогие русскому сердцу, вечно живые образы, воплощающие лучшие, подвигом просветленные качества души народа. Руководимые сокровенными, в глубинах заложенными стремлениями, непосредственно ощущая Божественную близость, зовущий Голос, неодолимо стремились они к иной жизни. Но, покидая мир и уходя на Валаам, они оставались неразрывно связанными с той средой, откуда изошли, — с крестьянской толщей простого народа русского, природные свойства души которого они возвышали и преображали в своих неустанных подвигах. Их уход редко носит печать болезненного или насильственного разрыва, обычно он — следствие неодолимой тяги к иночеству, которая и приводит в монастырь шестнадцатилетних юношей, а иногда и отроков. И то обстоятельство, что, придя, они оставались в монастыре по 50—60 лет, говорит с достаточной убедительностью, что влияния, приведшие их, были отнюдь не сторонние, но истинные, глубинные воздействия бессознательных чаяний и томлений, разрешение коих они и обрели.

То место, где протекал и протекает подвиг их жизней, так горячо любимый ими Валаам, является исключительным по вдохновенности выражения красот и величия северной природы.

Валаам поражает и покоряет. Непрístupны громоздящиеся скалы, погружены в свою жизнь вековые леса, таинственны глубокие, темные воды заливов.

Вздыхает на острых камнях озеро-море. Сурово однообразие повторяющегося сочетания сосен и скал.

Смягчены краски севера, и в тишине длящегося, неугасимого дня утишаются чувства, смиряются пред богомыслием, становятся преклонны к возношению в горня. Поднимается и нарастает стремление к борьбе ради торжества Вечного Света, преображения в Его сиянии...

«Дивен остров Валаам» и окружающие его островки, но совсем особенный — один из них.

По благословию
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
Алексия II

1-е издание: Янсон Михаил. Валаамские старцы.
Берлин, 1938.
2-е издание: Янсон Михаил. Валаамские старцы.
Москва, 1994.

Издано при содействии издательства и типографии «АГАТ».

ISBN 5-94263-003-8

© Издательство «Учреждение Мастерские Валаамского монастыря», 2003

Предисловие

Валаамские старцы, покинувшие нас и ныне здравствующие, — это дорогие русскому сердцу, вечно живые образы, воплощающие лучшие, подвигом просветленные качества души народа. Руководимые сокровенными, в глубинах заложенными стремлениями, непосредственно ощущая Божественную близость, зовущий Голос, неодолимо стремились они к иной жизни. Но, покидая мир и уходя на Валаам, они оставались неразрывно связанными с той средой, откуда изошли, — с крестьянской толщей простого народа русского, природные свойства души которого они возвышали и преображали в своих неустанных подвигах. Их уход редко носит печать болезненного или насильственного разрыва, обычно он — следствие неодолимой тяги к иночеству, которая и приводит в монастырь шестнадцатилетних юношей, а иногда и отроков. И то обстоятельство, что, придя, они оставались в монастыре по 50—60 лет, говорит с достаточной убедительностью, что влияния, приведшие их, были отнюдь не сторонние, но истинные, глубинные воздействия бессознательных чаяний и томлений, разрешение коих они и обрели.

То место, где протекал и протекает подвиг их жизней, так горячо любимый ими Валаам, является исключительным по вдохновенности выражения красот и величия северной природы.

Валаам поражает и покоряет. Непрístupны громоздящиеся скалы, погружены в свою жизнь вековые леса, таинственны глубокие, темные воды заливов.

Вздыхает на острых камнях озеро-море. Сурово однообразие повторяющегося сочетания сосен и скал.

Смягчены краски севера, и в тишине длежащегося, неугасимого дня утишаются чувства, смиряются пред богомыслием, становятся преклонны к возношению в горня. Поднимается и нарастает стремление к борьбе ради торжества Вечного Света, преображения в Его сиянии...

«Дивен остров Валаам» и окружающие его островки, но совсем особенный — один из них.

Предтечин остров

Угрюмый, дикий. Порос косматыми, громадными слями, соснами. Выдался вперед, в открытую, бурную Ладогу, под удары свирепых волн и высится громадой своей над всем окрест.

Древнее имя его — Серничан¹, и так и остался он овейным духом древнего сурового подвижничества, превозможения естества аскетического. Хранит печать великих испытаний, разорений, усечений мечом от лютых врагов.

Безмолвен. Обнаженной, источенной, морщинистой скалой насторожился в пустыню вод. Ждет.

Величаво-суровый остров невольно возносит мысль к своему Покровителю, и перед умственным взором встает тот образ его, который воплощали в красках древние русские иконописцы.

Не отсюда ли черпали новгородские изографы проникновенную силу кисти и колорита, когда писали аскетические, подвижнические иконы Предтечи Господня Иоанна?

¹ По-русски означает «Монашеский».

Строгий, суровый лик Предтечи пишут они. Огненно, пронзительно смотрит. «...Рождения ехиднова, кто сказа вам бежати от будущего гнева... Уже бо и секира при корени древа лежит...» (Мф. 3, 7; 3, 10).

Облик пророческий, ветхозаветный, как бы старческий, хотя и молод он, юн. «И ты, отроча, пророк Вышняго наречешися, предыдеши бо пред Лицем Господним, уготовати пути Его...» (Лк. 1, 76).

Свились в жгуты, тяжелыми плетьюми легли на плечи и грудь длинные, пророческие власы. Разметаны они сухим, горячим ветром пустыни, как и пряди брады. «...Ей глаголю вам, и лишше пророка» (Мф. 11, 9); «пророков предел и начало апостолов»².

Мощен стан, хотя и видны, выдались кости и суставы. Величествен, высок, хоть и согбен слегка. Иссошил, истомил члены свои подвигом, превосходящим естество человеческое. «...Чесо изыдoste в пустыню видети, трость ли ветром колеблему?» (Мф. 11, 7).

Суша, истончена рука, извлечено из нее всё человеческое. Для земного делания не может служить. Вознесется она, благословляющая, крестящая, «исполняющая всякую правду» (Мф. 3, 15), на главу Грядущаго.

Сожжена, опалена плоть раскаленным воздухом пустыни, где пребывал от юности, «чтобы не видеть и не слышать злодеяний человеческих», по слову Златоустого. Воистину — «пустыни доброе воспитание».

Коротка, тесна, жестка и язвяща одежда. «...Имяше ризу свою от влас велблуждь и пояс усмен о чреслах своих» (Мф. 3, 4).

Препоясан. Служит Грядущему, готов «прямыми сделать пути Его» (Ис. 40, 3) и «дати разум спасения людям Его, в оставление грех их» (Лк. 1, 77).

Крылья за плечами его — ангельское, бесплотное житие пожил на земле. «...Се Аз посылаю Ангела Моего пред Лицем Твоим, иже уготовит путь Твой пред Тобою» (Мф. 11, 10).

Таков он на иконах древних изографов, и потрясают они души этим образом мощным. Таков он в Деисусе, перед Престолом Вседержителя, только без крыл, потому что все-таки — человек, хотя и «не воста в рожденных женами болий Иоанна Крестителя» (Мф. 11, 11). Двумя заостренными вершинами поднялось человечество к Престолу. По одну сторону — Богоматерь, Пречистая, Пренепорочная, по другую — Предтеча, рождением своим преодолевший неплодие человеческое, разрешивший онемевшие уста. Поднялись они, а достигли лишь — протянуть молебные руки за тех, что... внизу...

² Служба Рождеству св. Иоанна Предтечи; стихиры на литии.

Предтечин остров

Угрюмый, дикий. Порос косматыми, громадными елями, соснами. Выдался вперед, в открытую, бурную Ладогу, под удары свирепых волн и высится громадой своей над всем окрест.

Древнее имя его — Серничан¹, и так и остался он овеванным духом древнего сурового подвижничества, превозможения естества аскетического. Хранит печать великих испытаний, разорений, усечений мечом от лютых врагов.

Безмолвен. Обнаженной, источенной, морщинистой скалой насторожился в пустыню вод. Ждет.

Величаво-суровый остров невольно возносит мысль к своему Покровителю, и перед умственным взором встает тот образ его, который воплощали в красках древние русские иконописцы.

Не отсюда ли черпали новгородские изографы проникновенную силу кисти и колорита, когда писали аскетические, подвижнические иконы Предтечи Господня Иоанна?

¹ По-русски означает «Монашеский».

Строгий, суровый лик Предтечи пишут они. Огненно, пронзительно смотрит. «...Рождения ехиднова, кто сказа вам бежати от будущего гнева... Уже бо и секира при корени древа лежит...» (Мф. 3, 7; 3, 10).

Облик пророческий, ветхозаветный, как бы старческий, хотя и молод он, юн. «И ты, отроча, пророк Вышняго наречешься, предыдеши бо пред Лицем Господним, уготовати пути Его...» (Лк. 1, 76).

Свились в жгуты, тяжелыми плетьюми легли на плечи и грудь длинные, пророческие власы. Разметаны они сухим, горячим ветром пустыни, как и пряди брады. «...Ей глаголю вам, и лишше пророка» (Мф. 11, 9); «пророков предел и начало апостолов»².

Мощен стан, хотя и видны, выдались кости и суставы. Величествен, высок, хоть и согбен слегка. Иссошил, истомил члены свои подвигом, превосходящим естество человеческое. «...Чесо изыдoste в пустыню видети, трость ли ветром колеблему?» (Мф. 11, 7).

Суха, истончена рука, извлечено из нее всё человеческое. Для земного делания не может служить. Вознесется она, благословляющая, крестящая, «исполняющая всякую правду» (Мф. 3, 15), на главу Грядущаго.

Сожжена, опалена плоть раскаленным воздухом пустыни, где пребывал от юности, «чтобы не видеть и не слышать злодеяний человеческих», по слову Златоустого. Воистину — «пустыни доброе воспитание».

Коротка, тесна, жестка и язвяща одежда. «...Имяше ризу свою от влас велблуждь и пояс усмен о чреслах своих» (Мф. 3, 4).

Препоясан. Служит Грядущему, готов «прямыми сделать пути Его» (Ис. 40, 3) и «дати разум спасения людям Его, в оставление грех их» (Лк. 1, 77).

Крылья за плечами его — ангельское, бесплотное житие пожил на земле. «...Се Аз посылаю Ангела Моего пред Лицем Твоим, иже уготовит путь Твой пред Тобою» (Мф. 11, 10).

Таков он на иконах древних изографов, и потрясают они души этим образом мощным. Таков он в Деисусе, перед Престолом Вседержителя, только без крыл, потому что все-таки — человек, хотя и «не воста в рожденных женами болий Иоанна Крестителя» (Мф. 11, 11). Двумя заостренными вершинами поднялось человечество к Престолу. По одну сторону — Богоматерь, Пречистая, Пренепорочная, по другую — Предтеча, рождением своим преодолевший неплодие человеческое, разрешивший онемевшие уста. Поднялись они, а достигли лишь — протянуть молебные руки за тех, что... внизу...

² Служба Рождеству св. Иоанна Предтечи; стихиры на литии.

Рождество Господне празднуем мы во время зимнего солнцестояния, а Иоанново — в летний солнцеворот. Одно — тайна возвеличения: «Херувим отступает от древа жизни и аз райския пищи причащаюся»³, прибывают дни, возрастает свет; другое — тайна умаления, как сам о себе рек Предидущий: «Оному подобает расти, мне же малиться» (Ин. 3, 30), убывают дни, умалется, сокращается напряжение стихии жизненной.

Иоаннову умалению хотя подражати своим ветхим естеством, его подвигу ревнуя, идут на Предтечин остров, в самый строгий скит валаамский, те, кто дерзает потомить себя житием пустынным, постным, понудить воздержанием сверх обычной меры монашеской. «От дней же Иоанна Крестителя доселе Царствие Небесное нудится и нуждницы восхищают е» (Мф. 11, 12).

Томят плоть свою насельники Предтечина скита постом, трудом, долгими стояниями молитвенными, большим правилом келейным. Пища всегда постная, молочного и рыбы не разрешается даже и на Пасху, в понедельник, среду, пяток и растительного масла не полагается.

Крут, за сердце хватает подъем от пристани к Святым скитским воротам. Над ними образ Предтечи Крылатого возносится подвигом недосыгаемым, бесплотным ангельским житием.

Врата меж двух строений бревенчатых есть, а ограды скитской нет. Стоят врата широко распахнуты — входи, если ревнуешь имени Иоаннову, «благодать» означающему. Оградой — да будет благодатная помощь Господня и непрестанное блюдение собственное.

Еще более крут подъем ко храму Предтечи, что стоит на самом вершине скалы. Понаделаны, ради слабости человеческой, дорожки, ступени, лестницы деревянные, с перильцами. Иначе не одолеешь кручи — дух перехватит.

А взберешься да глянешь вниз — тоже дух захватит. Далеко внизу — верхушки елей и сосен гигантских, а еще глубже, ниже, на горах камней — белая пена лежит, тоненькой ниточкой кажется. А ветер гудит, свистит — держись за перильца крепче.

Домики малые, келлии пустынные притаились под ветвями, плохо видно их в полутьме лесной чащи, да и далеко раскинулись они друг от друга. Прикрыли их мохнатые, грузные лапы громадных елей, будто стерегут, держат, не отдают времени. И столетия за столетиями обходят где-то стороной, а сюда почти и не касаются.

Мирынам, как и всему мирскому, нет доступа на Предтечин остров, только с благословением игуменским можно проникнуть сюда мужчинам, а женщинам закрыта и эта возможность.

³ Служба Рождеству Христову; стихиры на «Господи, воззвах».

Неприступен для них суровый остров. Отгородился гранитной стойкостью отвесных обрывов от безумной стихии то разгульно пляшущих, то льнущих с предательской лаской обманчивых волн.

Не для привольной жизни, не для отдыха приходили сюда богатыри духовные, что дерзнули поревновать подвигу Предтечеву, идти вслед ему, возложить на себя бремя особое, искус необычайный, воздержание сверхмерное. Каковы же они собою? Вообразился ли в них образ Предтечин, суровый, властный, требовательный?

Первый из передовых бойцов — схимонах о. Иоанн.

Он первым начал лес рубить, когда скит ставили, он первым и поселился здесь. Только не сразу как пришел из мира, не вдруг. Тридцать лет готовился, живя в монастыре, а потом уж тридцать лет пожил и на Предтечином острове.

Проходя послушание в общежительном монастыре, выполнял все тяжелые работы, хотя и не был к ним привычен. И еще особое послушание — ездил с почтой и за другими надобностями монастырскими через озеро. Много раз совсем погибал в этих поездках, но спасался по молитвам к покровителям обители и Николаю Чудотворцу. Писал об этом «памятные репортажи», раз — как в осеннюю бурю чудом не разбился, едучи на лодке, о скалистый остров. «Тогда несло лодку к острову. Тогда видели смертный час. Ожидали, когда лодку донесло до острова. Мы думали, ударит лодку о скалу. Лодка дошла до скалы, не стукнулась, остановилась легко. Тогда народ бросился на берег с лодки. Полминуты времени не было — волна покрыла нас на камнях. Сажень воды было, но скоро назад ушла. Тогда далеко убежали на гору. Когда в воде были, лодка не пошла через нас. Когда убежали далеко, тогда лодку бросило далеко на камень — от воды восемь сажен. Тогда благодарили Бога и угодников Сергия и Германа и Николая Чудотворца. Они спасли нас от великой беды. Тогда помолились на монастырь».

Другой раз целых четырнадцать часов в одних чулках бежал через озеро, перепрыгивал полыньи, переплывал на хрупких, тонущих льдинках разломы, долгие часы молился преподобным Сергию и Герману и Николаю Чудотворцу, ожидая, пока замерзнет разлом, чтобы, если сам не замерзнет раньше, перейти, добраться до родимой обители. А она — вот тут рядом, рукой подать, а не достигнешь, если не помогут святые покровители Сергий и Герман и Николай Чудотворец.

Когда впоследствии, по достаточном искусстве, был предложен ему сан священнический, впал он в великое сомнение и колебание. Боялся самоволия и в принятии и в отказе. Возложил решение на настоятеля.

Рождество Господне празднуем мы во время зимнего солнцестояния, а Иоанново — в летний солнцеворот. Одно — тайна возвеличения: «Херувим отступает от древа жизни и аз райския пищи причащаюся»³, прибывают дни, возрастает свет; другое — тайна умаления, как сам о себе рек Предидущий: «Оному подобает расти, мне же малиться» (Ин. 3, 30), убывают дни, умалется, сокращается напряжение стихии жизненной.

Иоаннову умалению хотя подражати своим ветхим естеством, его подвигу ревнуя, идут на Предтечин остров, в самый строгий скит валаамский, те, кто дерзает потомить себя житием пустынным, постным, понудить воздержанием сверх обычной меры монашеской. «От дней же Иоанна Крестителя доселе Царствие Небесное нудится и нуждницы восхищают е» (Мф. 11, 12).

Томят плоть свою насельники Предтечина скита постом, трудом, долгими стояниями молитвенными, большим правилом келейным. Пища всегда постная, молочного и рыбы не разрешается даже и на Пасху, в понедельник, среду, пяток и растительного масла не полагается.

Крут, за сердце хватает подъем от пристани к Святым скитским воротам. Над ними образ Предтечи Крылатого возносится подвигом недосыгаемым, бесплотным ангельским житием.

Врата меж двух строений бревенчатых есть, а ограды скитской нет. Стоят врата широко распахнуты — входи, если ревнуешь имени Иоаннову, «благодать» означающему. Оградой — да будет благодатная помощь Господня и непрестанное блюдение собственное.

Еще более крут подъем ко храму Предтечи, что стоит на самом вершине скалы. Понаделаны, ради слабости человеческой, дорожки, ступени, лестницы деревянные, с перильцами. Иначе не одолеешь кручи — дух перехватит.

А взберешься да глянешь вниз — тоже дух захватит. Далеко внизу — верхушки елей и сосен гигантских, а еще глубже, ниже, на горах камней — белая пена лежит, тоненькой ниточкой кажется. А ветер гудит, свистит — держись за перильца покрепче.

Домики малые, келлии пустынные притаились под ветвями, плохо видно их в полутьме лесной чащи, да и далеко раскинулись они друг от друга. Прикрыли их мохнатые, грузные лапы громадных елей, будто стерегут, держат, не отдают времени. И столетия за столетиями обходят где-то стороной, а сюда почти и не касаются.

Мирынам, как и всему мирскому, нет доступа на Предтечин остров, только с благословением игуменским можно проникнуть сюда мужчинам, а женщинам закрыта и эта возможность.

³ Служба Рождеству Христову; стихиры на «Господи, воззвах».

Неприступен для них суровый остров. Отгородился гранитной стойкостью отвесных обрывов от безумной стихии то разгульно пляшущих, то льнущих с предательской лаской обманчивых волн.

Не для привольной жизни, не для отдыха приходили сюда богатыри духовные, что дерзнули поревновать подвигу Предтечеву, идти вслед ему, возложить на себя бремя особое, искус необычайный, воздержание сверхмерное. Каковы же они собою? Вообразился ли в них образ Предтечин, суровый, властный, требовательный?

Первый из передовых бойцов — схимонах о. Иоанн.

Он первым начал лес рубить, когда скит ставили, он первым и поселился здесь. Только не сразу как пришел из мира, не вдруг. Тридцать лет готовился, живя в монастыре, а потом уж тридцать лет пожил и на Предтечином острове.

Проходя послушание в общежительном монастыре, выполнял все тяжелые работы, хотя и не был к ним привычен. И еще особое послушание — ездил с почтой и за другими надобностями монастырскими через озеро. Много раз совсем погибал в этих поездках, но спасался по молитвам к покровителям обители и Николаю Чудотворцу. Писал об этом «памятные репортажи», раз — как в осеннюю бурю чудом не разбился, едучи на лодке, о скалистый остров. «Тогда несло лодку к острову. Тогда видели смертный час. Ожидали, когда лодку донесло до острова. Мы думали, ударит лодку о скалу. Лодка дошла до скалы, не стукнулась, остановилась легко. Тогда народ бросился на берег с лодки. Полминуты времени не было — волна покрыла нас на камнях. Сажень воды было, но скоро назад ушла. Тогда далеко убежали на гору. Когда в воде были, лодка не пошла через нас. Когда убежали далеко, тогда лодку бросило далеко на камень — от воды восемь сажен. Тогда благодарили Бога и угодников Сергия и Германа и Николая Чудотворца. Они спасли нас от великой беды. Тогда помолились на монастырь».

Другой раз целых четырнадцать часов в одних чулках бежал через озеро, перепрыгивал полыньи, переплывал на хрупких, тонущих льдинках разломы, долгие часы молился преподобным Сергию и Герману и Николаю Чудотворцу, ожидая, пока замерзнет разлом, чтобы, если сам не замерзнет раньше, перейти, добраться до родимой обители. А она — вот тут рядом, рукой подать, а не достигнешь, если не помогут святые покровители Сергий и Герман и Николай Чудотворец.

Когда впоследствии, по достаточному искусству, был предложен ему сан священнический, впал он в великое сомнение и колебание. Боялся самоволия и в принятии и в отказе. Возложил решение на настоятеля.

Игумен Дамаскин

Выслушал о. игумен Дамаскин и разрешил смущение:

— Священство — великое дело; приняв священство, надо быть житием как ангелу, а человек немощен: оставайся-ка так, простым монахом.

Принял о. Иоанн решение настоятеля как указание Божие и успокоился духом, остался до конца дней своих простым монахом, совсем простым, детски ясным, радостным и по-детски словоохотливым. Любил поговорить с братьей о духовном.

Зная об этой его склонности, положил о. настоятель решение:

— Вот ты, о. Иоанн, считай себя недостойным говорить с людьми — молчи. Говорить или беседовать разрешается тебе только с Богом, в церкви,

при совершении молитвенных славословий и, в случае нужды, с настоятелем и с духовником при откровениях и исповедях.

И замолчал о. Иоанн на четырнадцать лет. А по прошествии этого срока сказал о. Дамаскин:

— Ну, о. Иоанн, ты недостойн такой великий подвиг нести, говори опять, как и обычно.

И вновь стал говорить о. Иоанн, с детской простотой своей и охотой.

Тридцать лет жизни на Предтеченском острове да тридцать лет до этого в монастыре сказались для о. Иоанна изнеможением сил телесных. Приходилось подбадривать их искусственно, хоть чаем. И любил о. Иоанн чай крепкий. Но чаю на Предтечином острове не полагалось тогда. Благословил о. игумен перейти в Коневский скит. Там, хотя и строгий, почти Предтеченский устав, но разрешался чай. Однако годы брали свое, исполнилось о. Иоанну уже восемьдесят. Пришлось перевести его на больничное содержание. Но и здесь проводил он жизнь, как и на острове: келейное правило из нескольких сот поклонов, чтение Евангелия и Псалтири, читал и отеческие книги. Еще на Предтече выколол он себе глаз. Современник его, ныне здравствующий схимонах о. Пионий, рассказывал:

— Ночью это он на сучок, в саду, наткнулся. Темно ведь у нас... И я сколько раз наткнулся то лбом, то как, а у него сразу и глаз вытек...

Но благодарил он Бога:

— Будет с меня и одного глаза. Слава Господу. Бог оставил мне хоть один глаз, я все-таки могу с ним читать и Евангелие, и акафисты, и кафизмы.

Неопустительно посещал он все службы церковные — утрени, обедни, вечерни, всенощные и от начала до конца выстаивал их, хотя изнемогал, а иногда и жаловался даже. Бывало, в церкви подходили мирские и просили слова на пользу. Он отвечал:

— Что полезное хотите вы услышать от меня — бесполезного? Я козлице, никуда не годное; я вас всех прельстил, оделся в монашеское схимническое одеяние, как будто что и значу, ничего я не значу, все пустота, хочу только начало доброе положить, да все не могу никак, со своей леностью не справлюсь.

Одoleвал все и всех смирением, радостной ласковостью, братски делился богатством любви и духовной опытности, только не хотел, чтобы видели в нем прорицателя или пророка.

Таким был первый из насельников Предтечина острова, о. Иоанн Молчальник, сто лет тому назад (в 1835 г.) пришедший на Валаам. Детски простодушный, ревновал он евангельской простоте и истинному сми-

Игумен Дамаскин

Выслушал о. игумен Дамаскин и разрешил смущение:

— Священство — великое дело; приняв священство, надо быть житием как ангелу, а человек немощен: оставайся-ка так, простым монахом.

Принял о. Иоанн решение настоятеля как указание Божие и успокоился духом, остался до конца дней своим простым монахом, совсем простым, детски ясным, радостным и по-детски словоохотливым. Любил поговорить с братьей о духовном.

Зная об этой его склонности, положил о. настоятель решение:

— Вот ты, о. Иоанн, считай себя недостойным говорить с людьми — молчи. Говорить или беседовать разрешается тебе только с Богом, в церкви,

при совершении молитвенных славословий и, в случае нужды, с настоятелем и с духовником при откровениях и исповедях.

И замолчал о. Иоанн на четырнадцать лет. А по прошествии этого срока сказал о. Дамаскин:

— Ну, о. Иоанн, ты недостойн такой великий подвиг нести, говори опять, как и обычно.

И вновь стал говорить о. Иоанн, с детской простотой своей и охотой.

Тридцать лет жизни на Предтеченском острове да тридцать лет до этого в монастыре сказались для о. Иоанна изнеможением сил телесных. Приходилось подбадривать их искусственно, хоть чаем. И любил о. Иоанн чай крепкий. Но чаю на Предтечином острове не полагалось тогда. Благословил о. игумен перейти в Коневский скит. Там, хотя и строгий, почти Предтеченский устав, но разрешался чай. Однако годы брали свое, исполнилось о. Иоанну уже восемьдесят. Пришлось перевести его на больничное содержание. Но и здесь проводил он жизнь, как и на острове: келейное правило из нескольких сот поклонов, чтение Евангелия и Псалтири, читал и отеческие книги. Еще на Предтече выколол он себе глаз. Современник его, ныне здравствующий схимонах о. Пионий, рассказывал:

— Ночью это он на сучок, в саду, наткнулся. Темно ведь у нас... И я сколько раз наткнулся то лбом, то как, а у него сразу и глаз вытек...

Но благодарил он Бога:

— Будет с меня и одного глаза. Слава Господу. Бог оставил мне хоть один глаз, я все-таки могу с ним читать и Евангелие, и акафисты, и кафизмы.

Неопустительно посещал он все службы церковные — утрени, обедни, вечерни, всенощные и от начала до конца выстаивал их, хотя изнемогал, а иногда и жаловался даже. Бывало, в церкви подходили мирские и просили слова на пользу. Он отвечал:

— Что полезное хотите вы услышать от меня — бесполезного? Я козлище, никуда не годное; я вас всех прельстил, оделся в монашеское схимническое одеяние, как будто что и значу, ничего я не значу, все пустота, хочу только начало доброе положить, да все не могу никак, со своей леностью не справлюсь.

Одoleвал все и всех смирением, радостной ласковостью, братски делился богатством любви и духовной опытности, только не хотел, чтобы видели в нем прорицателя или пророка.

Таким был первый из насельников Предтечина острова, о. Иоанн Молчальник, сто лет тому назад (в 1835 г.) пришедший на Валаам. Детски простодушный, ревновал он евангельской простоте и истинному сми-

Пустынька игумена Дамаскина

ренномудрию, отрешаясь от мира, служил братству как «купленный раб», самоотверженно отдавался выполнению послушаний, отсекал свою волю, свое хотение⁴.

Жил еще на Предтечином острове схимонах о. Илия, строгий подвижник и молитвенник. Проходил подвиг непрестанной молитвы Иисусовой, имел большое правило, много поклонов клал, а спал всегда сидя, так что и койки у него в келлии не было. Еще при игумене о. Дамаскине хотел он уединиться на дальний и малодоступный остров Дивный. Все уже было приготовлено, но решил о. настоятель: «Нет, не способен еще ты, о. Иоанникий, к отшельничеству. Оставайся-ка пока здесь».

Позднее, высшим распоряжением, был он перечислен в братство Верхотурского монастыря, Пермской епархии. Скончался в глубокой старости, живя в пустыньке, и был в очень большой славе. Народ ходил к нему во множестве за советами и назиданиями.

Когда уехал он с Предтечи, то освободилась его келлия, а вместе с нею и возможность войти в скит новому насельнику. А возможности этой, как осуществления сладостной мечты, ожидал старец о. Никита. Шестиде-

⁴ Данные получены от современников, а также из книг «Валаамский скит во имя святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна» и «Жизнописание подвижника схимонаха о. Иоанна» (СПб., 1893).

сяти лет принял он схиму и жил, дожидая радости попасть на Предтечин остров. Шесть лет ждал.

А до этого был он коридорным в монастырской гостинице, в течение двух лет, да на огороде пять лет. Получил здесь жестокий ревматизм. Потом опять в монастырской гостинице, но теперь уже «хозяином», около пяти лет. Заслужил он на этом трудном послушании всеобщую любовь своею ласковостью, приветливостью, любовной заботой о всех.

Затем переведен был в Коневский скит и здесь-то и ждал и готовился к подвигу большему. У подвижника — слепца, схимонаха о. Агапита, того самого, который переписывался с еп. Феофаном о молитве Иисусовой, — проходил о. Никита труднейшую из наук — умное делание. Вел духовные беседы и с другом своим, старцем Иоанном Молчальником, который все звал его на Предтечу. Наконец и попал туда, и пожил там тринадцать лет, почти безвыходно, в непрестанной работе, молитве в церкви и в келлии.

Было у старца желание: «С того дня, как сподобился я поступить в святую обитель, — говорил он, — я всегда просил Господа избавить меня от нечаянной, внезапной смерти. Молил Его Благодать дозволить мне поболеть перед смертью и как можно болезненнее...»

Видимо, хотел он полнее ощутить иную жизнь, земную преодолевающую, укорениться в ней, да и думалось, что, может быть, претерпение телесных страданий «вменится вместо добрых дел, которых у меня нет». И были посланы ему скорби телесные, и в страданиях своих болезней благодарил он Господа, и молитва Иисусова не сходила с уст его.

«Грамота у него была слабенькая, — рассказывает ученик и друг его о. Пионий, — а главная черта — смирение. Учил он всех: "Имей смирение, имей смирение, никого не обижай, прощай Христа ради..." Было вот... это уж во время болезни о. Никиты, мучил его такой сильный кашель, что, как зайдет, бывало, в церкви, так и службу не слышать. Ну и случилось, что схимонах о. А. прошел мимо о. Никиты, не сказав ему обычных слов прощания. А о. Никита-то у нас старшим схимником был, и все к нему подходили; ну а тот схимонах прошел молча. О. Никита тотчас же ему в ноги:

— Прости меня Христа ради... В чем я виноват?

Но не смягчился о. А.:

— Кашляешь ты так, — говорит, — что и молиться мешаешь.

Мягкословесный был, приветливый, — продолжает о. Пионий. — Когда и наставить нужно бывало, так делал это с любовью, необидно.

Пустынька игумена Дамаскина

ренномудрию, отрешаясь от мира, служил братству как «купленный раб», самоотверженно отдавался выполнению послушаний, отсекал свою волю, свое хотение⁴.

Жил еще на Предтечином острове схимонах о. Илия, строгий подвижник и молитвенник. Проходил подвиг непрестанной молитвы Иисусовой, имел большое правило, много поклонов клал, а спал всегда сидя, так что и койки у него в келлии не было. Еще при игумене о. Дамаскине хотел он уединиться на дальний и малодоступный остров Дивный. Все уже было приготовлено, но решил о. настоятель: «Нет, не способен еще ты, о. Иоанникий, к отшельничеству. Оставайся-ка пока здесь».

Позднее, высшим распоряжением, был он перечислен в братство Верхотурского монастыря, Пермской епархии. Скончался в глубокой старости, живя в пустыньке, и был в очень большой славе. Народ ходил к нему во множестве за советами и назиданиями.

Когда уехал он с Предтечи, то освободилась его келлия, а вместе с нею и возможность войти в скит новому насельнику. А возможности этой, как осуществления сладостной мечты, ожидал старец о. Никита. Шестиде-

⁴ Данные получены от современников, а также из книг «Валаамский скит во имя святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна» и «Жизнеописание подвижника схимонаха о. Иоанна» (СПб., 1893).

сяти лет принял он схиму и жил, дожидая радости попасть на Предтечин остров. Шесть лет ждал.

А до этого был он коридорным в монастырской гостинице, в течение двух лет, да на огороде пять лет. Получил здесь жестокий ревматизм. Потом опять в монастырской гостинице, но теперь уже «хозяином», около пяти лет. Заслужил он на этом трудном послушании всеобщую любовь своею ласковостью, приветливостью, любовной заботой о всех.

Затем переведен был в Коневский скит и здесь-то и ждал и готовился к подвигу большему. У подвижника — слепца, схимонаха о. Агапита, того самого, который переписывался с еп. Феофаном о молитве Иисусовой, — проходил о. Никита труднейшую из наук — умное делание. Вел духовные беседы и с другом своим, старцем Иоанном Молчальником, который все звал его на Предтечу. Наконец и попал туда, и пожил там тринадцать лет, почти безвыходно, в непрестанной работе, молитве в церкви и в келлии.

Было у старца желание: «С того дня, как сподобился я поступить в святую обитель, — говорил он, — я всегда просил Господа избавить меня от нечаянной, внезапной смерти. Молил Его Благодсть позволить мне поболеть перед смертью и как можно болезненнее...»

Видимо, хотел он полнее ощутить иную жизнь, земную преодолевающую, укорениться в ней, да и думалось, что, может быть, претерпение телесных страданий «вменится вместо добрых дел, которых у меня нет». И были посланы ему скорби телесные, и в страданиях своих болезней благодарил он Господа, и молитва Иисусова не сходила с уст его.

«Грамота у него была слабенькая, — рассказывает ученик и друг его о. Пионий, — а главная черта — смирение. Учил он всех: "Имей смирение, имей смирение, никого не обижай, прощай Христа ради..." Было вот... это уж во время болезни о. Никиты, мучил его такой сильный кашель, что, как зайдет, бывало, в церкви, так и службу не слышать. Ну и случилось, что схимонах о. А. прошел мимо о. Никиты, не сказав ему обычных слов прощания. А о. Никита-то у нас старшим схимником был, и все к нему подходили; ну а тот схимонах прошел молча. О. Никита тотчас же ему в ноги:

— Прости меня Христа ради... В чем я виноват?

Но не смягчился о. А.:

— Кашляешь ты так, — говорит, — что и молиться мешаешь.

Мягкословесный был, приветливый, — продолжает о. Пионий. — Когда и наставить нужно бывало, так делал это с любовью, необидно.

Схимонах Агапит-слепец

Вот и со мной-то... Когда он уж болен был и слабел сильно, то причащался часто, а запивочку не всю выпивал, бывало, пригубит только... ну и оставалось. Я ту запивку-то в бутылочку сливал, думал, может быть, и понадобится когда о. Никите от слабости. Вот как-то раз, когда собирались мы с о. Никитой чай пить, и пришло мне в голову налить себе в чашку с чаем запивки. Помысел пришел... Представилось, будто это так хорошо будет... и захотелось... ну просто не совладать. Я и налил потихоньку в свою-то чашку, а потом налил обе чашки чаю, прочел молитвы и подаю о. Никите его обычную чашку. А он вдруг и говорит:

— О. Питирим (Питиримом меня еще тогда звали-то), подай-ка мне другую чашечку.

— Да ведь эта Ваша чашечка, батюшка, — говорю я ему.

— Нет, подай-ка мне ту...

Не дал я ему своей чашки, а надо бы признаться, что ссамочинничал, да не хватило духу тогда покаяться... И вот до сего дня, сколько ведь и лет-то прошло, а все помнится...»

Глубочайшее смирение, простодушие, любвеобильность, теплота сердечная, светлость влекли к о. Никите монастырскую братию за духовным назиданием, прозорливым указанием.

«Лицо его радостное, кроткое, благодатное светилось тихим умилением, явно было, что духовная радость и благодарение Бога за все есть основное настроение у о. Никиты», — так описывает его очевидец.

И вот рассказ⁵, иллюстрирующий силу впечатления, производимого старцем.

Рассказывал нам помощник гостинника о. Петр: «Приехал однажды на Валаам средних лет офицер. Приехал не для богомолья, так как был он человек маловерующий и к религиозным вопросам относился весьма равнодушно. Целью поездки его было поразвлечься, полюбоваться красотами живописного, дивного Валаама. Взяв благословение у настоятеля осмотреть скиты и все достопримечательности обители, он пожелал прежде всего прокатиться на лодочке по заливам, ну а кстати заехать и в скиты. Вот меня и откомандировали провести его и показать все интересное. Дорогой мой спутник, разговорясь со мною по душам, сознался, что жизнь ему ужасно надоела, цель жизни он давно потерял, кругом ему видится только одна ложь и лицемерие.

— Ничего отрадного в жизни я не нахожу, — говорил он, — ко всему стал холоден и равнодушен и смотрю на окружающее с каким-то озлоблением.

Осмотрели мы с ним Коневский скит и поехали далее в Предтеченский. Выйдя из лодки, поднялись на гору, осмотрели братские келлии, сад и зашли на минутку в церковь, потом пошли ко кресту, где открывшийся чудный вид на озеро и на острова произвел на моего спутника приятное впечатление. Затем мы пошли по дорожке вокруг острова. У меня в душе давно уже составилось желание повидать старца схимонаха о. Никиту и побеседовать с ним на пользу душевную, но, зная, что спутник мой не интересуется этим, я его предупредил дорогой, сказав, что оставляю его на несколько минут, так как предполагаю зайти к одному старцу для духовной беседы.

— Пожалуйста, пожалуйста, говорите, сколько угодно, — ответил он, — я подожду, только уж меня увольте, я не имею никакой охоты слушать назидательные рассказы.

⁵Из рукописного Валаамского патерика.

Круговая дорожка скита, как известно, проходит мимо самой келлии старца. Только мы подошли к ней и я слегка постучался, как старец немедленно вышел, так что офицер не успел еще отойти и, обернувшись, посмотрел на него. О. Никита с обычной своей ласковой и приветливой улыбкой, глядя на нас и кланяясь, сказал:

— Здравствуйте, дорогие мои, добро пожаловать, зайдите ко мне, убогому, посетите меня, грешного.

Офицер растерялся от неожиданности, да и я тоже не знал, что делать. Но старец, как бы не замечая нашего смущения, еще приветливее приглашал нас посетить его. Мой спутник развел руками и в недоумении, не отдавая себе отчета, покорно пошел за старцем в его крошечную первую келлию. Старец посадил нас, и сам сел перед нами на низенькую скамеечку и, любовно глядя на нас, начал просто и добродушно с нами говорить. Вижу, что мой спутник чем-то поражен и растроган. Сказав старцу несколько слов, он вдруг неожиданно как зальется слезами, откуда только они у него брались, плакал, как дети маленькие плачут. Старец стал его утешать:

— Не скорбите, а молитесь Господу и Пречистой Деве Богородице — и Вам отрадно будет. Но он сквозь слезы говорил:

— Батюшка, батюшка, ведь я великий грешник...

— Не отчаивайтесь в своем спасении, дорогой мой, ведь Господь-то пришел на землю грешников спасти, а не праведников, — ответил о. Никита.

Я почувствовал, что мое присутствие здесь излишне, и молча вышел из келлии. О чем они говорили, я не знаю, но только спустя довольно долгое время вышел офицер с лицом, опухшим от слез. Дорогой, возвращаясь в монастырь, он неоднократно и с изумлением говорил:

— Я не понимаю, что это со мной произошло... Я в жизни моей никогда так не плакал, как теперь... Этот старец у вас действительно святой человек, и я чувствую, что в душе моей произошел какой-то спасительный перелом. Теперь и жизнь для меня стала иметь смысл, и я знаю, к чему человек должен стремиться, чтобы найти счастье. Без Бога мы самые жалкие и несчастные люди».

Рассказывал о. Памва, чему сам он был свидетелем. Как-то поручили ему проводить к старцу двух важных иерархов, в сане архимандричьем, а впоследствии занявших более высокие посты. Старец о. Никита долго отказывался принять их, но, наконец, уступил настойчивым уговорам. Те обратились к нему с просьбой сказать «на пользу душевную». Помолчал старец и с видимой неохотой сказал:

— Ну что же... желаю вам не быть гнилыми столбами...

На этом свидание и закончилось, а слова его и все поведение старца получили объяснение лишь много лет спустя, уже после его смерти, когда в великом крушении эти двое высоких иерархов, действительно, сыграли роль... «гнилых столбов».

Мужем зрелым⁶ пришел о. Никита в монастырь. Но, видимо, готовился он к подвигу иноческому еще в миру. Был он набожен, трезвенник, воздержник, примирен со своей долей. Воспламенялась, однако, умилялась душа его при чтении житий святых.

Им ревнуя, стремился он к пустынному безмолвию. И в течение тридцатитрехлетнего подвига монашеского, блюдения сердечного, умного делания претворялись, преображались эти качества души его. Явно обнаруживались истинное благоговение, смирение, кротость и сострадание⁷.

За этими старцами следуют другие.

Иеромонах о. Исаяя прожил⁸ на Предтечином острове двадцать лет. Пока жил в келлии один, почти не топил у себя печки. Часто и вода у него замерзала. Праздности не знал, обычным занятием его было вязание чулок для братии. Вязал их всегда стоя, с молитвой Иисусовой.

Многие ходили к нему за советом, и монашествующие, и миряне. Дверь келлии у него всегда была на запоре, если кто постучит, спрашивал: «Кто там?.. Твори молитву!..» Хотя и был он косноязычен и мало говорил, однако удовлетворял приходивших мудрыми советами и назиданиями на пользу душевную. Дав краткое наставление, говаривал:

— Ну иди, иди, празднословить нельзя, за каждое слово-то праздное знаешь что будет, — и указывал на раскрытую книгу, всегда лежавшую перед ним. Это было сказание о мытарствах прп. Феодоры.

Бывало, однако, что кого и приглашал о. Исаяя: «Чайку попить, чайку попить...»

«А самовар-то у него маленький, да и не дожدهшься его, когда-то поспеет, — рассказывает о. Пионий. — И чайник-то целый уж, целый был спитого чая, а он не вываливал, а только маленько прибавит сухого... Так вкус-то уж очень нехороший был... вроде как чем-то пахло...»

Мало охотников находилось чаевничать у о. Исаяя...

Так, в непрерывных трудах и молитвах и «всё-то на ногах, всё на ногах» был о. Исаяя, и никто не знал о тайном его подвиге. Вскрылось это только

⁶ Сорока двух лет от роду.

⁷ Данные получены из личных рассказов, указанного рукописного сборника и из книги «Жизнеописание валаамского подвижника схимонаха о. Никиты» (СПб., 1911).

Круговая дорожка скита, как известно, проходит мимо самой келлии старца. Только мы подошли к ней и я слегка постучался, как старец немедленно вышел, так что офицер не успел еще отойти и, обернувшись, посмотрел на него. О. Никита с обычной своей ласковой и приветливой улыбкой, глядя на нас и кланяясь, сказал:

— Здравствуйте, дорогие мои, добро пожаловать, зайдите ко мне, убогому, посетите меня, грешного.

Офицер растерялся от неожиданности, да и я тоже не знал, что делать. Но старец, как бы не замечая нашего смущения, еще приветливее приглашал нас посетить его. Мой спутник развел руками и в недоумении, не отдавая себе отчета, покорно пошел за старцем в его крошечную первую келлию. Старец посадил нас, и сам сел перед нами на низенькую скамеечку и, любовно глядя на нас, начал просто и добродушно с нами говорить. Вижу, что мой спутник чем-то поражен и растроган. Сказав старцу несколько слов, он вдруг неожиданно как зальется слезами, откуда только они у него брались, плакал, как дети маленькие плачут. Старец стал его утешать:

— Не скорбите, а молитесь Господу и Пречистой Деве Богородице — и Вам отрадно будет. Но он сквозь слезы говорил:

— Батюшка, батюшка, ведь я великий грешник...

— Не отчаивайтесь в своем спасении, дорогой мой, ведь Господь-то пришел на землю грешников спасти, а не праведников, — ответил о. Никита.

Я почувствовал, что мое присутствие здесь излишне, и молча вышел из келлии. О чем они говорили, я не знаю, но только спустя довольно долгое время вышел офицер с лицом, опухшим от слез. Дорогой, возвращаясь в монастырь, он неоднократно и с изумлением говорил:

— Я не понимаю, что это со мной произошло... Я в жизни моей никогда так не плакал, как теперь... Этот старец у вас действительно святой человек, и я чувствую, что в душе моей произошел какой-то спасительный перелом. Теперь и жизнь для меня стала иметь смысл, и я знаю, к чему человек должен стремиться, чтобы найти счастье. Без Бога мы самые жалкие и несчастные люди».

Рассказывал о. Памва, чему сам он был свидетелем. Как-то поручили ему проводить к старцу двух важных иерархов, в сане архимандричьем, а впоследствии занявших более высокие посты. Старец о. Никита долго отказывался принять их, но, наконец, уступил настойчивым уговорам. Те обратились к нему с просьбой сказать «на пользу душевную». Помолчал старец и с видимой неохотой сказал:

— Ну что же... желаю вам не быть гнилыми столбами...

На этом свидание и закончилось, а слова его и все поведение старца получили объяснение лишь много лет спустя, уже после его смерти, когда в великом крушении эти двое высоких иерархов, действительно, сыграли роль... «гнилых столбов».

Мужем зрелым⁶ пришел о. Никита в монастырь. Но, видимо, готовился он к подвигу иноческому еще в миру. Был он набожен, трезвенник, воздержник, примирен со своей долей. Воспламенялась, однако, умилялась душа его при чтении житий святых.

Им ревнуя, стремился он к пустынному безмолвию. И в течение тридцатитрехлетнего подвига монашеского, блюдения сердечного, умного делания претворялись, преображались эти качества души его. Явно обнаруживались истинное благоговение, смирение, кротость и сострадание⁷.

За этими старцами следуют другие.

Иеромонах о. Исаяя прожил⁸ на Предтечином острове двадцать лет. Пока жил в келлии один, почти не топил у себя печки. Часто и вода у него замерзала. Праздности не знал, обычным занятием его было вязание чулок для братии. Вязал их всегда стоя, с молитвой Иисусовой.

Многие ходили к нему за советом, и монашествующие, и миряне. Дверь келлии у него всегда была на запоре, если кто постучит, спрашивал: «Кто там?.. Твори молитву!..» Хотя и был он косноязычен и мало говорил, однако удовлетворял приходивших мудрыми советами и назиданиями на пользу душевную. Дав краткое наставление, говаривал:

— Ну иди, иди, празднословить нельзя, за каждое слово-то праздное знаешь что будет, — и указывал на раскрытую книгу, всегда лежавшую перед ним. Это было сказание о мытарствах прп. Феодоры.

Бывало, однако, что кого и приглашал о. Исаяя: «Чайку попить, чайку попить...»

«А самовар-то у него маленький, да и не дождешься его, когда-то поспеет, — рассказывает о. Пионий. — И чайник-то целый уж, целый был спитого чая, а он не вываливал, а только маленько прибавит сухого... Так вкус-то уж очень нехороший был... вроде как чем-то пахло...»

Мало охотников находилось чаевничать у о. Исаяя...

Так, в непрерывных трудах и молитвах и «всё-то на ногах, всё на ногах» был о. Исаяя, и никто не знал о тайном его подвиге. Вскрылось это только

⁶ Сорока двух лет от роду.

⁷ Данные получены из личных рассказов, указанного рукописного сборника и из книги «Жизнеописание валаамского подвижника схимонаха о. Никиты» (СПб., 1911).

Схимонах Никита

после его смерти. Перед нею, за два дня, был он в церкви, службу стоял. Только не мог уж в трапезную пойти. Принесли ему похлебки, и, сидя на лавке, в комнатке перед зимней церковью, хлебал он ее. А как пришел домой, так и слег и похворал всего два дня.

«Я у него и ночевал, ночь-то, на полу в келлии, — говорит о. Пионий. — Ночью и соборовали его, а он сидел, держал свечку. На другой день братия приходили к нему прощаться. Хотелось мне ему отходную прочесть, ну и пошел я к себе за требником. Прихожу обратно, а он просит... "пить"...

Два раза глотнул, да закашлялся... вздохнул и свалился мне на плечо». Было ему тогда почти 83 года, из коих шестьдесят лет и шесть месяцев прожил он безвыходно на Валааме.

Когда стали омыывать его, то долго не могли снять сапог, и вот тут-то только и открылось вольное его и тайное утруждение своего тела. Сапог он, видимо, не снимал уже так давно, что ногти на пальцах отросли длинные, обернулись вокруг них и вросли в тело. Трудно было представить, как мог он ходить, не хромя и никогда не обнаруживая видом своим той боли, которую он должен был терпеть.

Рассказывают о случаях прозорливости о. Исайи⁸.

«Однажды скитскому иеросхимонаху о. Исидору случилось справедливо оскорбиться на одного из иноков. Последний, будучи его духовным сыном, сознательно оскорбил своего духовного отца и не пришел к нему, чтобы, по обычаю иноческого, смириться и попросить прощения. Между тем подошло время говения, и ему волей-неволей надо было идти на исповедь к о. Исидору, который, однако, решил не принимать его, но отослать к другому духовнику. "Только что я порешил это сделать, — рассказывал о. Исидор, — как подходит ко мне о. Исайя и убедительно говорит:

— Нет, отец, нет... ты не отгоняй его от себя... Это он так по простоте сделал, да еще враг на него подействовал. Он исправится, прими его и не смущайся.

Я был до крайности удивлен, — продолжал о. Исидор, — как старец мог провидеть мое намерение и узнать мои мысли. Конечно, после этого я с любовью принял инока на исповедь, и он, действительно, в дальнейшем совершенно исправился»».

Или другой случай. Приехал однажды в Предтеченский скит на лодочке, с провожатым из монастыря, один весьма почтенной наружности генерал. Хозяин скита монах о. И. подошел к нему с приветствием. Генерал объявил ему, что по благословению о. игумена он приехал, чтобы побеседовать со старцем о. Исайей. Но хозяин возразил ему:

— Что же особенного может он вам сказать, ведь он человек простой, необразованный, и едва ли Вы сможете что-либо интересное узнать.

Генерал как бы опешил и смущенно возразил:

— Мне сказали, что старец Исайя святой жизни и подвижник...

— Да у нас и все-то живущие здесь — подвижники, — сказал хозяин, — но только для Вас, как человека образованного, о. Исайя — старец-простец,

⁸ Вышеупомянутый рукописный Валаамский патерик.

для собеседования не годится. Вы лучше сходите в нашу скитскую церковь, погуляйте по острову, у нас здесь чудные и живописные местечки...

— Да нет же, я не за этим сюда приехал, — ответил генерал. — Мне надо успокоить свою душу. Кто бы он ни был, ваш о. Исаяя, а о. игумен благословил меня с ним побеседовать, и я покорно прошу провести меня к нему.

— В таком случае пожалуйте, вот брат Николай и проведет Вас до его келлии.

«Мы пошли вместе, — рассказывал брат Николай. — Когда я сотворил молитву, старец сказал "аминь" и отворил дверь из своей келлии. Генерал вошел, а я остался в коридоре. Прошло несколько минут, и вот слышу я, стал раздаваться из келлии плач. Меня это ужасно заинтересовало: кто это плачет и почему. Подождав несколько минут, я не вытерпел, меня взволновало духовное желание попользоваться старческой беседой, и я тихонько приоткрыл дверь так, что через образовавшуюся щель можно было слышать беседу. Слышу — генерал плачет, как дитя, а старец строгим голосом, растворенным, однако, и любовью, вразумляет его. Генерал сквозь слезы говорит старцу:

— Эти два человека, батюшка, по моей вине погибли, я виновник их смерти...

Старец отвечает ему:

— Тебе нужно Давидово покаяние, подражай ему в этом, но не отчаивайся, подобно Саулу. Вот слово Божие так нам об этом говорит...

При этом о. Исаяя стал приводить тексты из Св. Писания, и так все это выходило у него разумно и назидательно, что я был удивлен до крайности. "Да наш ли этот старец-простец, о. Исаяя, так разумно и прекрасно говорит", — думал я.

Генерал не мог много говорить, а только плакал и рыдал. Наконец старец стал его успокаивать и, утешая, сказал:

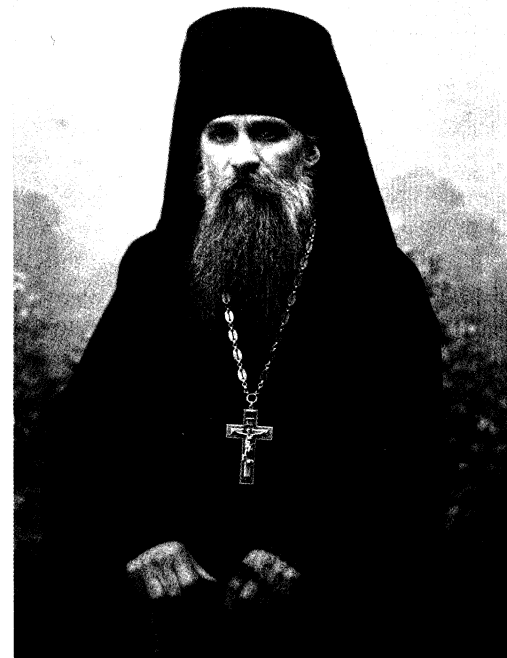
— Не скорби сильно, а уповай на милость Божию. Господь да поможет тебе и да пошлет истинное и спасительное покаяние и умиротворение совести.

После этого он стал с ним прощаться, а я поспешил отойти от двери. Немного спустя вышел генерал из келлии, весь в слезах, и, утирая дорогую лицо, сказал мне:

— Ведите меня на пристань, к лодке.

— Может, Вы скит желаете осмотреть? — спросил я.

— Нет, нет, ничего мне больше не надо, я получил то, за чем сюда приехал, — последовал ответ. Видно было, что он от волнения не в состоянии

Иеромонах Памва

был говорить. Я молча провел его до лодки, и он со своим провожатым уехал в монастырь».

Рассказывал и о. Пионий: «При мне это было... Приехал как-то рабочий из Питера, жаловался: "Жена пьянствует, дома ничего оставить нельзя — все пропивает..." О. Исаяя выслушал, но только ничего не ответил, а пошел в другую комнату, достал и завернул в бумажку три маслины да бонбошек парочку, отдал их рабочему и велел сказать жене:

— Вот прислал тебе о. Исаяя и велел больше не пить.

Во второй раз приехал этот рабочий уж после смерти о. Исаяи. Служил панихиду на могиле старца, благодарил его, а мне рассказывал, что как дал жене гостинец да съела она, так на вино-то и смотреть больше не могла».

Рассказывают еще об одном тайном страдальце, о. Василиске, жившем на Предтечином острове шесть лет, из коих пять он молчал.

«В трапезную он не ходил, а носили ему в келлию. Мы молодые были, конечно, и любопытствовали, — рассказывал о. Памва. — А носившие

для собеседования не годится. Вы лучше сходите в нашу скитскую церковь, погуляйте по острову, у нас здесь чудные и живописные местечки...

— Да нет же, я не за этим сюда приехал, — ответил генерал. — Мне надо успокоить свою душу. Кто бы он ни был, ваш о. Исаяя, а о. игумен благословил меня с ним побеседовать, и я покорно прошу провести меня к нему.

— В таком случае пожалуйте, вот брат Николай и проведет Вас до его келлии.

«Мы пошли вместе, — рассказывал брат Николай. — Когда я сотворил молитву, старец сказал "аминь" и отворил дверь из своей келлии. Генерал вошел, а я остался в коридоре. Прошло несколько минут, и вот слышу я, стал раздаваться из келлии плач. Меня это ужасно заинтересовало: кто это плачет и почему. Подождав несколько минут, я не вытерпел, меня взволновало духовное желание попользоваться старческой беседой, и я тихонько приоткрыл дверь так, что через образовавшуюся щель можно было слышать беседу. Слышу — генерал плачет, как дитя, а старец строгим голосом, растворенным, однако, и любовью, вразумляет его. Генерал сквозь слезы говорит старцу:

— Эти два человека, батюшка, по моей вине погибли, я виновник их смерти...

Старец отвечает ему:

— Тебе нужно Давидово покаяние, подражай ему в этом, но не отчаивайся, подобно Саулу. Вот слово Божие так нам об этом говорит...

При этом о. Исаяя стал приводить тексты из Св. Писания, и так все это выходило у него разумно и назидательно, что я был удивлен до крайности. "Да наш ли этот старец-престец, о. Исаяя, так разумно и прекрасно говорит", — думал я.

Генерал не мог много говорить, а только плакал и рыдал. Наконец старец стал его успокаивать и, утешая, сказал:

— Не скорби сильно, а уповай на милость Божию. Господь да поможет тебе и да пошлет истинное и спасительное покаяние и умиротворение совести.

После этого он стал с ним прощаться, а я поспешил отойти от двери. Немного спустя вышел генерал из келлии, весь в слезах, и, утирая дорожное лицо, сказал мне:

— Ведите меня на пристань, к лодке.

— Может, Вы скит желаете осмотреть? — спросил я.

— Нет, нет, ничего мне больше не надо, я получил то, за чем сюда приехал, — последовал ответ. Видно было, что он от волнения не в состоянии

Иеромонах Памва

был говорить. Я молча провел его до лодки, и он со своим провожатым уехал в монастырь».

Рассказывал и о. Пионий: «При мне это было... Приехал как-то рабочий из Питера, жаловался: "Жена пьянствует, дома ничего оставить нельзя — все пропивает..." О. Исаяя выслушал, но только ничего не ответил, а пошел в другую комнату, достал и завернул в бумажку три маслины да бонбошек парочку, отдал их рабочему и велел сказать жене:

— Вот прислал тебе о. Исаяя и велел больше не пить.

Во второй раз приехал этот рабочий уж после смерти о. Исаяи. Служил панихиду на могиле старца, благодарил его, а мне рассказывал, что как дал жене гостинец да съела она, так на вино-то и смотреть больше не могла».

Рассказывают еще об одном тайном страдальце, о. Василиске, жившем на Предтечином острове шесть лет, из коих пять он молчал.

«В трапезную он не ходил, а носили ему в келлию. Мы молодые были, конечно, и любопытствовали, — рассказывал о. Памва. — А носившие

послушники говорили, что о. Василиск обычно ничком на полу лежал, перед иконами, и стонал. Когда заболел он так, что пришлось в больницу отправить, то не дал он там снять с себя рубашку, когда хотели переменить ее. Только после смерти, когда готовились опрятывать его, увидели, что вся рубашка в крови, и пришлось ее оттирать от тела. На спине нашли глубокие раны, но происхождение их так и осталось невыясненным».

О. Василиск и о. Исаяя приняли на себя тайный подвиг, и только Видящий тайное будет судить их и воздаст с непререкаемой справедливостью. Люди же могут лишь преклоняться перед мужественными душами и поражаться их беспощадности к самим себе.

В рукописном Валаамском патерике находим еще запись о схимонахе о. Авеле, некоторое время жившем на Предтечином острове и скончавшемся в 1906 г., 26-го июля:

«Поражал он всех нас своею удивительною нестяжательностью и вольною Христа ради нищетою. Нравом он был прост и добр, а ясным умом и сострадательным сердцем был как бы евангельское дитя, имея в себе "мудрость змеиную и простоту голубиную". В обращении он был искренен и откровенен. За прямо́ту и открытое слово его не раз переводили из скита в скит. Но он удивлял всех покорностью и послушанием. Бывало, хозяин скита, не стерпев его обличений, а потому и устроивший его перевод в другой скит, объявлял ему, что, дескать, собирайся-ка, о. Авель, на другое послушание, тебе, мол, о. игумен благословил перебраться в скит на Святой остров. И тотчас о. Авель спокойно снимает мантию, берет клобук, а в небольшую ручную корзиночку кладет книгу, взятую из библиотеки для чтения, чай, сахар, спицы для вязания чулок, одежду одевает на себя и идет из келлии.

— Вот, — говорит, — я уже и готов.

— А что же, о. Авель, разве войлок постельный и подушку не возьмешь с собой? — спрашивает его кто-нибудь.

— А зачем мне они? — отвечает он, — в каждом скиту найдется все это.

— Ну, а самовар-то, разве тоже не возьмешь?

— И самовар там найдется... К чему мне таскаться с вещами из скита в скит? Я взял, что мне надо, а остальное на месте найдется.

Так и перелетал он не раз, как птица, с послушания на послушание. В келлии у него буквально хоть шаром покати — ничего нет. И этим был он очень доволен. Много лет проводил он такую жизнь, будучи постоянно мирен и покоен духом.

Последнее время, до своей смерти, жил он в Предтеченском скиту, в дальней келлии. Незадолго до смерти посетил его один из братии. Стар-

ца не было в то время в келлии, он был на послушании. Брат дождался возвращения старца и попросил разрешения войти в келлию. О. Авель разрешил. Помолясь на образа, брат сказал:

— Батюшка, скажите мне что-нибудь на пользу душевную, как мне жить в обители, чтобы спасти душу?

Старец стал просто и очень назидательно говорить брату о послушании, о том, как нужно разумно проходить его, живя в монастыре, о смирении, столь необходимом для нас, так скоро приводящем к духовному преуспеянию, привлекающем на инока благодать Божию. Свои слова старец основывал на св. отцах, часто ссылаясь на авву Дорофея, Иоанна Лествичника, Исаака Сирина. Так все у него выходило поучительно, просто и духовно усладительно. Закончил старец свою беседу самоукорением:

— Вот, брат, говорю-то я так, а сам живу по-другому, нет у меня самого ни терпения, ни послушания, ни смирения... Только вот св. Иоанн Предтеча, в скиту которого живу я, грешный, покрывает меня нерадивого, исполненного всяких немощей и страстей...

При этих словах слезы покатались из глаз старца.

Брат был настолько доволен и растроган сердечной беседой, что, простясь со старцем и поблагодарив его за доброе поучение, покинул скит, не заходя к другим старцам, хотя вначале и предполагал побывать у всех.

Скончался старец тихо и мирно. И что дивно, за его смирение Господь судил ему такие торжественные похороны, какие у нас на Валааме никогда и никому не бывают, даже и о. игумену. Отпевал его наш владыка, архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей, в то время объезжавший епархию, в сослужении с приезжим архимандритом Евгением, о. игуменом Пафнутием и восемью иеромонахами. Во время литургии академик иеромонах о. Стефан (Твердынский) сказал прекрасную похвальную речь схимонаху о. Авелю, чего тоже никогда не бывало у нас раньше».

«Сокрытая душа был о. Авель, нестяжатель, незлобивый...» — задумчиво говорит о. Памва, как бы восстанавливая перед умственным взором образ давно отошедшего своего брата по духу.

Душа, сокрывшая от других и от себя свою крылатость под смиренным рубищем нищеты. Не оттого ли так легко «перелетал» о. Авель, как птица, с послушания на послушание, что, будучи неизменно отрешенным от всяких приземляющих связей, имел он точно направленную устремленность, как птица на перелете, как «елень на источники водные» (Пс. 4, 1, 2)?

«Схимонах о. Мелетий, — рассказывает схигумен о. Иоанн, — кроткий был, послушливый. Занимался он непрестанной молитвой Иисусовой.

послушники говорили, что о. Василиск обычно ничком на полу лежал, перед иконами, и стонал. Когда заболел он так, что пришлось в больницу отправить, то не дал он там снять с себя рубашку, когда хотели переменить ее. Только после смерти, когда готовились опрятывать его, увидели, что вся рубашка в крови, и пришлось ее оттирать от тела. На спине нашли глубокие раны, но происхождение их так и осталось невыясненным».

О. Василиск и о. Исаяя приняли на себя тайный подвиг, и только Видящий тайное будет судить их и воздаст с непререкаемой справедливостью. Люди же могут лишь преклоняться перед мужественными душами и поражаться их беспощадности к самим себе.

В рукописном Валаамском патерике находим еще запись о схимонахе о. Авеле, некоторое время жившем на Предтечином острове и скончавшемся в 1906 г., 26-го июля:

«Поражал он всех нас своею удивительною нестяжательностью и вольною Христа ради нищетою. Нравом он был прост и добр, а ясным умом и сострадательным сердцем был как бы евангельское дитя, имея в себе "мудрость змеиную и простоту голубиную". В обращении он был искренен и откровенен. За прямоу и открытое слово его не раз переводили из скита в скит. Но он удивлял всех покорностью и послушанием. Бывало, хозяин скита, не стерпев его обличений, а потому и устроивший его перевод в другой скит, объявлял ему, что, дескать, собирайся-ка, о. Авель, на другое послушание, тебе, мол, о. игумен благословил перебраться в скит на Святой остров. И тотчас о. Авель спокойно снимает мантию, берет клобук, а в небольшую ручную корзиночку кладет книгу, взятую из библиотеки для чтения, чай, сахар, спицы для вязания чулок, одежду одевает на себя и идет из келлии.

— Вот, — говорит, — я уже и готов.

— А что же, о. Авель, разве войлок постельный и подушку не возьмешь с собой? — спрашивает его кто-нибудь.

— А зачем мне они? — отвечает он, — в каждом скиту найдется все это.

— Ну, а самовар-то, разве тоже не возьмешь?

— И самовар там найдется... К чему мне таскаться с вещами из скита в скит? Я взял, что мне надо, а остальное на месте найдется.

Так и перелетал он не раз, как птица, с послушания на послушание. В келлии у него буквально хоть шаром покати — ничего нет. И этим был он очень доволен. Много лет проводил он такую жизнь, будучи постоянно мирен и покоен духом.

Последнее время, до своей смерти, жил он в Предтеченском скиту, в дальней келлии. Незадолго до смерти посетил его один из братии. Стар-

ца не было в то время в келлии, он был на послушании. Брат дождался возвращения старца и попросил разрешения войти в келлию. О. Авель разрешил. Помолясь на образа, брат сказал:

— Батюшка, скажите мне что-нибудь на пользу душевную, как мне жить в обители, чтобы спасти душу?

Старец стал просто и очень назидательно говорить брату о послушании, о том, как нужно разумно проходить его, живя в монастыре, о смирении, столь необходимом для нас, так скоро приводящем к духовному преуспеянию, привлекающем на инока благодать Божию. Свои слова старец основывал на св. отцах, часто ссылаясь на авву Дорофея, Иоанна Лествичника, Исаака Сирина. Так все у него выходило поучительно, просто и духовно усладительно. Закончил старец свою беседу самоукорением:

— Вот, брат, говорю-то я так, а сам живу по-другому, нет у меня самого ни терпения, ни послушания, ни смирения... Только вот св. Иоанн Предтеча, в скиту которого живу я, грешный, покрывает меня нерадивого, исполненного всяких немощей и страстей...

При этих словах слезы покатались из глаз старца.

Брат был настолько доволен и растроган сердечной беседой, что, простясь со старцем и поблагодарив его за доброе поучение, покинул скит, не заходя к другим старцам, хотя вначале и предполагал побывать у всех.

Скончался старец тихо и мирно. И что дивно, за его смирение Господь судил ему такие торжественные похороны, какие у нас на Валааме никогда и никому не бывают, даже и о. игумену. Отпевал его наш владыка, архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей, в то время объезжавший епархию, в сослужении с приезжим архимандритом Евгением, о. игуменом Пафнутием и восемью иеромонахами. Во время литургии академик иеромонах о. Стефан (Твердынский) сказал прекрасную похвальную речь схимонаху о. Авелю, чего тоже никогда не бывало у нас раньше».

«Сокрытая душа был о. Авель, нестяжатель, незлобивый...» — задумчиво говорит о. Памва, как бы восстанавливая перед умственным взором образ давно отошедшего своего брата по духу.

Душа, сокрывшая от других и от себя свою крылатость под смиренным рубищем нищеты. Не оттого ли так легко «перелетал» о. Авель, как птица, с послушания на послушание, что, будучи неизменно отрешенным от всяких приземляющих связей, имел он точно направленную устремленность, как птица на перелете, как «елень на источники водные» (Пс. 4, 1, 2)?

«Схимонах о. Мелетий, — рассказывает схиигумен о. Иоанн, — кроткий был, послушливый. Занимался он непрестанной молитвой Иисусовой.

Схимонх о. Иоанн

За молитвенный труд сподобил его Господь дара слез. Часто плакал он во время службы церковной. Проходил он пономарское послушание, а жил в дальней пустыньке, расстояние от церкви — полверсты.

Я, — говорит повествующий, — часто беседовал с ним на пользу души, он говорил о себе со смирением и по моей просьбе рассказал мне следующее:

”Молитва Иисусова умно-сердечная стала непрерывной, когда я переселился жить в дальнюю пустыньку. Два года искушали меня бесы наяву. Иногда слышны были голоса многих людей, ходят кругом пустыньки и что-то говорят, а что говорят — не мог понять. Иногда кидали дрова в коридоре, стучали в стенку и в раму, иногда стучали по столу, когда я пил чай. Однажды, в девять часов вечера, когда я читал псалмы, вдруг

поднялся вихрь в келлии. Я от испуга упал на пол и лежал без сознания, с четверть часа, пожалуй. А то, летом было, утром рано слышу — тащит меня кто-то одеяло, я проснулся, вижу, лезет ко мне небольшой зверек, но очень противный. В тот раз я особенно испугался.

Во время явных нападений бесовских ходил я, в испуге, к старцу иеромонаху о. Исаии. Старец воодушевлял меня, велел не бояться бесов. Они, без воли Божией, вредить человеку не могут.

Бесовские искушения (явные страхования) продолжались ровно два года. Эти два года тяжелы были для меня. Много раз собирался я уходить из пустыньки совсем. Только благодаря мудрым наставлениям опытного старца о. Исаии и остался я в пустыньке. После двух годов бесовские страхования прекратились совсем, и я жил спокойно”.

Я вполне ему верю, — добавляет от себя повествователь, — так как мне и самому приходилось испытывать подобные страхования. Иногда, — продолжает он, — пойду я к пустыньке о. Мелетия, поздно вечером, и всегда застаю его стоящим у аналая за псалтирью. Он мало спал.

Еще старец жил со мною в одно время — схимонах Аполлоний. Примерный был старец, смиренный, кроткий, незлобивый. Любил трудиться, всегда работал. Выворачивал пни и камни, возил землю на тележке. Разделает небольшое местечко в лесу и посадит что-нибудь: тыкву, огурцы, капусту, брюкву, картошку и прочие овощи. И все это вместе, где-нибудь в лесу, и в совершенном беспорядке.

В келлии у него тоже был беспорядок. Уборку келлии никогда не производил. Койки не было, спал на полу, или в коридоре, или в лесу. Наденет, бывало, шубу, валены сапоги, голову укутает какой-нибудь тряпкой и ляжет в кусты.

В церковь и в трапезу, однако, всегда ходил опрятно:

”В келлии как хочешь живи, — говаривал он, — а в присутственные места должен ходить опрятным”.

В келлию к себе он никого не пускал, и сам ни к кому не ходил. Когда заболел он, то к доктору в монастырь ехать не хотел. Говорил:

— Хочу здесь умереть и чтобы меня здесь и похоронили.

Но духовник, вопреки его желанию, отправил его в монастырь. Старец о. Аполлоний недолго собирался, надел балахон, подрясник взял под мышку и пошел к лодке. Мне сказал: ”Что в келлии найдешь, возьми себе”.

После его ухода келлию его я убирал целый день. Все там было в совершенном беспорядке. Стол стоял посредине, койки не было, стены закоптили, и везде висела паутина. На полу лежали дрова, растопки,

уголья, топор, ломы, камни, рогожи, битые ламповые стекла, корзины и мусор повсюду.

Вот как старец вел себя наружно, а внутреннее его устройство сказывалось в том, что всегда он был спокоен, весел, со всеми мирен, никого, бывало, не оскорбит ничем. В его присутствии чувствовалось хорошо».

Не прилеплялся о. Аполлоний к порядку, системе, рациональному устройению. Прорывался он к иной жизни, не ограниченной мерами земными, житейскими. И ощущались около него мир, радость, покой душевный — неложные свидетели, благодатные признаки жизни нездешней, неземной, духовной.

Та «дальняя пустынька», в которой жил о. Мелетий, имеет свою историю.

Стоит домик совсем одиноко в большом отдалении от храма и всех остальных келлий. Да и не подходит он к ним по своему внешнему виду. Обит он черным толем, которым обычно покрывают крыши, был впоследствии окрашен белым, но посмыло краску дождями, облупилась она, и жутко проступили темные пятна. Нет у него приветливого вида других бревенчатых келлий, смиренно прячущихся меж лесных стволов, тихих и мирных, что невольно переносят мысль к деревянной, избяной Руси, к пустынным хижинам в чащах непроходимых, девственных лесов, где подвигом добрым подвизались святые русские...

Историю этой келлии поведал, по просьбе нашей, схиигумен о. Иоанн, лично знавший ее хозяина:

«Был он из образованных и по великой ревности духовной поступил в Валаамский монастырь, внося вклад в одиннадцать тысяч рублей. Но в самом монастыре пожил он недолго. Выпросился у о. игумена на безмолвие в Предтеченский скит. Выстроил там для себя домик, маленький, в глуши леса, стены и снаружи и изнутри, а также и пол выкрасил в черный цвет, и стал он проводить жизнь строго подвижническую. Руководителем его в духовной жизни был известный старец схимонах о. Никита. Но говаривали между собою старцы: "Напрасно о. игумен разрешил новонаначальному жить в уединении..."»

Через некоторое время новоначальный подвижник впал в уныние. Затем стал он разъезжать на лодочке по заливам и скитам. О. игумен заметил, что неладное что-то творится с монахом, и, желая предоставить ему возможность деятельности, назначил его заведующим Предтеченским скитом. Новый хозяин начал энергично действовать — стал разделять огород, валил с корня толстые деревья, рвал порохом камни, даже схим-

ников и тех гонял на работы. Схимонах о. Сисой писал в Петербург, на подворье, о. Пионию: "Ты просишься в Предтеченский скит, но прежде запасись терпением, наш новый хозяин и нас, схимников, гоняет на разные работы".

Старец о. Никита отказался руководить им, потому что перестал он слушать старческие советы, не слушал и начальников монастырских. Потом он уехал с Валаама, жил еще в других монастырях. Конец его жизни был загадочен — его нашли убитым, но неизвестно, при каких обстоятельствах это произошло».

Поведав эту историю, о. схиигумен остановился и на разъяснении опасностей всякого рода рывков и скачков в духовной жизни, увлечений духовными вспышками.

«Св. отцы, — говорит он, — пишут, что духовная жизнь есть наука из наук, требует она глубокого духовного рассуждения и опытного старческого руководства. Скачки в духовной жизни неуместны, требуется благорассудительная постепенность — все хорошо в свое время, и отшельничество требует духовной подготовки. Надо пожить сначала в общежитии, побыть в послушании, в полном смысле этого слова. Истинное послушание состоит в том, чтобы отсекал свою волю во всем. Благоразумно живущих в общежитии можно сравнить с камушками, лежащими на морском берегу. Ударяют их волны друг об друга и делают гладкими и круглыми. А уединенник подобен угловатому камню, лежащему в лесу и зарастающему там мхом. Без правильной подготовки уединение не врачует страсти, но только усыпляет; будешь жизнь проводить без пользы, если только с ума не сойдешь. Прп. Даниил Скитский говорил: "Я жил и в общежитии, и в уединении. Испытав ту и другую жизнь, нахожу, что в общежитии преуспевают скорее и больше". Св. Иоанн Лествичник пишет: "Общежитие есть духовная прачечная, стирающая всякую скверну и грубость и все безобразие души, отшельничество же может назваться красильнею для тех, которые очистились в общежитии от вожделения, памятозлобия и раздражительности и потом уже удалились на безмолвие". И еще пишет он же: "...а те, которые подвержены раздражительности и возношению, лицемерию и памятозлобию, такие да не дерзнут когда-либо увидеть и след безмолвия"».

Так разворачивается в житиях и поучениях его насельников история Предтеченского скита, со дня его основания в 1857 г. до нашего времени.

Возвратимся к непосредственным впечатлениям. Теперь на пустынном острове живут только трое схимников. Один из них совсем уединен, не показывается даже в храме.

А храм скитский, особенный. Рублен он из сосновых бревен, более чем метровой толщины. Стены гладко тесаны, не окрашены. Иконостас тоже сосновый, резной. Много в храме древностей, да и сам он — памятник древности, лихолетья валаамского. Совпало оно с лихолетьем на Руси.

Было время, когда народ русский явил редкий образец расцвета душевного и духовного, когда Святая Русь как бы воочию воплотилась на земле. Тогда народ жил одной душой, одной жизнью и источник удовлетворения духовных потребностей имел один. Боярин и холоп, грамотей и темный твердили одни и те же молитвы, пели их на один голос, зачитывались и заслушивались одними сказаниями о житии святых. Согрешая или уклоняясь от прямых путей, знали они покаяние и никогда не забывали той лучшей, светлейшей части души своей, которая в дремучих лесах, среди бурных вод, по пустынным келлиям возжигала и теплила пламя духовности.

Сильны были в народе благоговейность, смиренность, доверчивость и покорность, с которой он нес свои многообразные «тягла».

Но за временем душевного возношения настал другой период роста, когда стали развиваться в народе и брать перевес своекорыстные расчеты. Начиная с высших кругов, постепенно расширяясь и захватывая низы, наметилось стремление сбросить с себя «тягла» и забрать побольше выгод.

Своекорыстные расчеты побудили царя Василия Шуйского призвать на Русь шведов. И знаменательно, что взбунтовавшиеся войска призванного Шуйским Деллагарди кинулись на святыню, на родную. Они разорили дотла Валаам и побили монахов. Было это в смутный 1611 год.

На целое столетие налегла темная ночь на Валаам. Ушли оставшиеся в живых немногие иноки в изгнание, с родимого острова на чужую сторону — на Волхов, к Старой Ладогге. Построили там вот эту церковь, что высятся теперь на Предтечином острове, затеплили в ней лампы. Томились по Валааму, но надеялись, что приведет еще Господь иноков на священную землю, кровью и слезами политую. Знали, что в недрах скал Валаама почивают укрытые там мощи прпп. Сергия и Германа. Верили, что сами угодники предстоит Престолу Всевышнего, непрестанно молят за верных чад своих и в должное время соберут их в ограду святую, не потерпят преподобные, «да не угаснет светильник, возжженный на Валааме».

И вот знамение надежды непосрамленной — храм этот. Столетия простоял он вне Валаама, но перенесли его священные остатки на родную землю, поставили высоко-высоко на каменной горе, и зовет он под надежный кров свой голосом колокола, еще царем Борисом присланного.

Здесь, в храме, и встретили мы впервые схимонаха о. Пиония.

Предтеченский скит. Нач. XX в.

Чистый первый тенор у о. Пиония. Знаток устава церковного и пения. На память читает часы, полунощницу, акафисты Иисусу Сладчайшему, Матери Божией, кафизмы, антифоны. По книгам не может читать, давно уж начал угасать для него свет дневной, пока не померк окончательно.

Но хорошо знакома ему дорога из келлии в храм, из храма в келлию. Каждый поворот заросшей тропинки известен. Тридцать лет уж протаптывает он ее.

Вот здесь — остановиться надобно. За алтарем церковным — могила старца о. Никиты, друга-наставника.

Неотходно был о. Пионий при кончине о. Никиты, да и после не отлучался от тела, пока не опустили вот в эту могилу.

Стоит старец, молится, точно беседует с о. Никитой. Да и беседует. Не раз видал старца-учителя в тонком сне. Назидался, услаждался собеседованием и молитвою совместной.

— Батюшка, о. Пионий, расскажите, как Вы о. Никиту видели?

— А дело вот как было. Частенько хаживал ко мне о. Сисой. Он молитвенный был и ревнитель, все учил, как крест надлежит класть. Ну... а только любитель был чайку попить, и часто мы с ним за самоварчиком

сживали. А о. Никита запрещал, говорил: «Ты о. Сисоя часто не принимай... не полезно...» Потом, как о. Никита скончался, стал о. Сисой опять ко мне захаживать, а я не смел отказывать, и опять мы с ним чай попивали. Ну вот о. Никита и явился ко мне ночью... да такой выговор дал... вроде как с негодованием даже, за мое непослушание-то. А во второй раз пришел о. Никита и говорит: «Читай молитвы...» Ну, я стал читать Трисвятое по «Отче наш», а он благословил, и мы приветствовались. Тогда я понял, что он простил, и такую радость ощутил, как проснулся... А то очень уж я скучал, после первого сна, когда он меня наказал-то...

Живы, трепетно ощутимы связи подвижнические на этом острове. Где ушедшие и где грядущие? Одна неразрывная семья, дети Божьи, сердцем чистые.

Вот и схиигумен о. Феодор, двадцать лет проживший пустынником на Порфирьевском острове, говаривал в шутку:

— Мне-то что, мне — спи да греши, как хочешь и сколько хочешь. Там меня друг-брат Никита обещал встретить и замолить...

А о. Николай, из Коневского скита, будто сердито, наперекор ему:

— Как же, только тебя он и дожидается...

— Они оттуда все видят, — говорит о. Феодор, — вот видят, что у о. Николая весь бок мелом замазан...

Нет умерших, и где живущие?! Едино стадо и Един Пастырь Добрый, и ни одна овца не утеряна. «Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе» (Пс. 132, 1).

Рассказывал⁹ нам один инок, находившийся на послушании среди мира: «Однажды мне было очень тяжело, я чувствовал, что нахожусь на краю гибели и что помощи ждать неоткуда. Неожиданно впал я в забытие, как бы в легкий сон. И вот вижу: откуда-то по воздуху величаво и радостно идет ко мне покойный наш старец схииеродиакон о. Вениамин, в полной схиме. Лицо у него — как свет, схима — словно огненная, лучи и снопы света отбрасывает вся его величаяя фигура. Подошел он ко мне — приятный, веселый и радостный. Увидав его, я бросился к нему навстречу и, низко поклонясь, стал жаловаться на свое тяжелое состояние и просил его:

— Помолитесь, батюшка, за меня, мне здесь очень тяжело стало жить.

— Я за тебя постоянно молюсь, — ответил старец, — не скорби, Бог да поможет тебе и да сохранит тебя.

После этих слов он мгновенно скрылся, а я очутился будто бы на Валааме, в Предтеченском скиту, в церкви. Вижу, что за правым клиросом, на своем обычном месте, сидит, всеми нами уважаемый и в то время еще здравствовавший старец о. Никита.

Я радостно устремляюсь к нему и говорю ему те же слова, что и о. Вениамину:

— Батюшка, помолитесь за меня, мне ведь очень тяжело и опасно жить среди мира.

О. Никита тоже утешил меня и, обещав молиться, сказал:

— Господь поможет тебе, не бойся и не скорби.

С этими словами я очнулся от своего забытия и ощутил совсем иное состояние в своей душе — тишину, мир и полное прекращение той брани, которая только что бушевала во мне. Вскоре, окончив послушание свое, я вернулся в обитель, приехал в Предтеченский скит, увидел старца о. Никиту и, радостно приветствовав его, стал ему рассказывать, как мне было тяжело, и просил его святых молитв, но он, со своей обычной добродушной улыбкой, ответил мне: «Я за тебя постоянно молюсь, знаю я, что тебе было тяжело...» Потом, как-то особенно посмотрев на меня, он добавил: «Ведь я же тогда у тебя был...»

И я сразу понял, о чем он говорит, понял, что он, действительно, был у меня в ту ужасную минуту, когда я изнемогал в тяжелой борьбе. И если бы наши два старца, один из того мира, другой — из живой еще братии, не спасли меня, по Божию милосердию, от греховной гибели, то не знаю, что и было бы с моей бедной душой».

Не велика и не роскошна келлия о. Пиония. Та самая, в которой жил о. Никита, а ранее того — о. Иоанн Молчальник. Одна комната — шага два в ширину, четыре в длину, да и другая вроде этой же. В углу — большая икона Божией Матери Почаевской. Письма художественного, великокняжеское преподношение. Стол да табурет, койка дощатая.

— Собрался в монастырь... уезжать, — высоким, чистым тенором говорит о. Пионий, — вот и вещи собрал...

Надо уезжать старцу с Предтечи. Трудно слепому в полном одиночестве. Надо и за водой сходить — спуститься да подняться ступенек с сотню. Надо и дров запасти, надо и пищу сварить, хотя какая уж там стряпня на Предтечином острове-то: хлеб, квас, капуста, лук... А все же надобно, теперь нет в скиту общей трапезы, как раньше, когда было много насельников.

— Ты, о. Пионий, хлебал ли похлебку-то, что я третьего дня принес? Поди, кисла она? — спрашивает хозяин скита.

⁹ Из рукописного Валаамского патерика.

сживали. А о. Никита запрещал, говорил: «Ты о. Сисоя часто не принимай... не полезно...» Потом, как о. Никита скончался, стал о. Сисой опять ко мне захаживать, а я не смел отказывать, и опять мы с ним чай попивали. Ну вот о. Никита и явился ко мне ночью... да такой выговор дал... вроде как с негодованием даже, за мое непослушание-то. А во второй раз пришел о. Никита и говорит: «Читай молитвы...» Ну, я стал читать Трисвятое по «Отче наш», а он благословил, и мы приветствовались. Тогда я понял, что он простил, и такую радость ощутил, как проснулся... А то очень уж я скучал, после первого сна, когда он меня наказал-то...

Живы, трепетно ощутимы связи подвижнические на этом острове. Где ушедшие и где грядущие? Одна неразрывная семья, дети Божьи, сердцем чистые.

Вот и схиигумен о. Феодор, двадцать лет проживший пустынником на Порфирьевском острове, говаривал в шутку:

— Мне-то что, мне — спи да грешь, как хочешь и сколько хочешь. Там меня друг-брат Никита обещал встретить и замолить...

А о. Николай, из Коневского скита, будто сердито, наперекор ему:

— Как же, только тебя он и дожидается...

— Они оттуда все видят, — говорит о. Феодор, — вот видят, что у о. Николая весь бок мелом замазан...

Нет умерших, и где живущие?! Едино стадо и Един Пастырь Добрый, и ни одна овца не утеряна. «Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе» (Пс. 132, 1).

Рассказывал⁹ нам один инок, находившийся на послушании среди мира: «Однажды мне было очень тяжело, я чувствовал, что нахожусь на краю гибели и что помощи ждать неоткуда. Неожиданно впал я в забытие, как бы в легкий сон. И вот вижу: откуда-то по воздуху величаво и радостно идет ко мне покойный наш старец схииеродиакон о. Вениамин, в полной схиме. Лицо у него — как свет, схима — словно огненная, лучи и снопы света отбрасывает вся его величаяя фигура. Подошел он ко мне — приятный, веселый и радостный. Увидав его, я бросился к нему навстречу и, низко поклонясь, стал жаловаться на свое тяжелое состояние и просил его:

— Помолитесь, батюшка, за меня, мне здесь очень тяжело стало жить.

— Я за тебя постоянно молюсь, — ответил старец, — не скорби, Бог да поможет тебе и да сохранит тебя.

После этих слов он мгновенно скрылся, а я очутился будто бы на Валааме, в Предтеченском скиту, в церкви. Вижу, что за правым клиросом, на своем обычном месте, сидит, всеми нами уважаемый и в то время еще здравствовавший старец о. Никита.

Я радостно устремляюсь к нему и говорю ему те же слова, что и о. Вениамину:

— Батюшка, помолитесь за меня, мне ведь очень тяжело и опасно жить среди мира.

О. Никита тоже утешил меня и, обещав молиться, сказал:

— Господь поможет тебе, не бойся и не скорби.

С этими словами я очнулся от своего забытия и ощутил совсем иное состояние в своей душе — тишину, мир и полное прекращение той брани, которая только что бушевала во мне. Вскоре, окончив послушание свое, я вернулся в обитель, приехал в Предтеченский скит, увидел старца о. Никиту и, радостно приветствовав его, стал ему рассказывать, как мне было тяжело, и просил его святых молитв, но он, со своей обычной добродушной улыбкой, ответил мне: «Я за тебя постоянно молюсь, знаю я, что тебе было тяжело...» Потом, как-то особенно посмотрев на меня, он добавил: «Ведь я же тогда у тебя был...»

И я сразу понял, о чем он говорит, понял, что он, действительно, был у меня в ту ужасную минуту, когда я изнемогал в тяжелой борьбе. И если бы наши два старца, один из того мира, другой — из живой еще братии, не спасли меня, по Божию милосердию, от греховной гибели, то не знаю, что и было бы с моей бедной душой».

Не велика и не роскошна келлия о. Пиония. Та самая, в которой жил о. Никита, а ранее того — о. Иоанн Молчальник. Одна комната — шага два в ширину, четыре в длину, да и другая вроде этой же. В углу — большая икона Божией Матери Почаевской. Письма художественного, великокняжеское преподношение. Стол да табурет, койка дощатая.

— Собрался в монастырь... уезжать, — высоким, чистым тенором говорит о. Пионий, — вот и вещи собрал...

Надо уезжать старцу с Предтечи. Трудно слепому в полном одиночестве. Надо и за водой сходить — спуститься да подняться ступенек с сотню. Надо и дров запасти, надо и пищу сварить, хотя какая уж там стряпня на Предтечином острове-то: хлеб, квас, капуста, лук... А все же надобно, теперь нет в скиту общей трапезы, как раньше, когда было много насельников.

— Ты, о. Пионий, хлебал ли похлебку-то, что я третьего дня принес? Поди, скисла она? — спрашивает хозяин скита.

⁹ Из рукописного Валаамского патерика.

- Хлебал... спаси Господи... ничего.
- Вот белого хлеба привезли из монастыря, возьми-ка.
- Да мне не надо, ты гостей попотчуй.
- Ну так черного принесу, тоже привезли свежего.
- Не надо, у меня еще есть.

Однако изнеможение телесное кладет предел жизни на суровом острове. Не вовсе ангелы, человеки еще, и плоть немощная человеческая дает себя знать. Надо, в церковь идя, подняться в гору, ступеней с тридцать по лестнице. Да переломали, разбили ветхую лестницу конитрехлетки, что поставлены на острове на лето. Молодые — бегают, играют. Где перильца завалили, где подряд несколько ступеней сбили. Как слепому пройти? Хоть и хорошо знакома дорожка-то, сколько по ней хожено. Вот еще стекло в окне выдавили. Тянутся: ласки, хлеба просят.

Стоит старец в открытых дверях своей малой келлии, прикрытой мохнатыми лапами старых елей. В белом балахончике, маленький, худенький. Голова, борода — белые, серебряные. Чистые, ясные глаза устремлены вперед. Не видят они в земном нашем сумраке, но будто созерцают другое, иной свет. Может тем отблеском и лик его так светолепен? «Яко миро на главе, сходящее на браду, браду Аарону, сходящее на ометы одежды его» (Пс. 132, 2).

Что спросить у старца? Какое назидание? Весь он — как сосуд прозрачный, смотри, назитайся. А все же хочется услышать.

- О. Пионий, скажите на пользу душевную!..
- Что вы, что вы, да разве я — о. Никита, разве я могу?!

Испугался старец, смиренно укрылся за наставника своего.

Прощается с угрюмым островом. Тридцать лет прожил, а вот уходить надобно. Может быть, таил мечту лечь рядом с наставником — о. Никитой. Ну да ведь как Господь!..

Там, на больнице, конечно, лучше. И присмотрят, и пищу принесут. Лучше-то лучше, а пожил о. Пионий в больничном корпусе несколько дней и запросился опять на Предтечу, в гости хоть. Прилетел голубь на место насиженное, пожил еще недельку. Да осень, близка зима, видно надо уж... совсем прочь...

Вот перед нами — тетрадка с записями о. Пиония.

На первой странице, датированной 26 декабря 1912 г., красными чернилами заголовок, выведенный твердой рукой:

Возлюблю Тя, Господи, крепосте моя (Пс. 17, 2), и ниже:

Пустынным живот блажен есть. Божественным рачением воскриляющимся (Антифоны воскресные, гл. 5).

«Блаженна жизнь ваша, братие, пребывающие в священной, тихой пустыни, под покровом великаго пустытника, Христовой горлицы, св. Крестителя Иоанна, блаженны вы, собирающие сладкий мед святого безмолвия и полагающие в сердечных сокровищах соты духовнаго любомудрия, блаженны вы, ощущающие в душах ваших любовь Божию.

Но чтобы достигнуть любви сей, нужно всеми силами стяжать любовь и мир с ближними, ибо говорит св. Павел: "Любы не завидит, любы не превозносится, не гордится... не мыслит зла, вся любит... вся уповает... вся терпит..." (1 Кор. 13, 4). Легко говорить о любви, но нелегко ее приобрести... Валаамский старец монах Герман, подвизавшийся в Кодьяке, в Америке¹⁰, спросил как-то русских офицеров: "Любите ли вы Бога?" Они ответили: "Как же не любить Бога?" Он сказал: "Я, грешный, более сорока лет учусь, как любить Бога, и не могу сказать, что совершенно люблю Его"».

За этой записью следуют страницы, посвященные «изречениям из Священного Писания и св. отцов во славу Божию и в назидание души». А вот и последняя из заполненных записями страничек. Неровные строки колеблющихся букв стремительно поднимаются к верхнему краю, как бы в напряжении — удержать темную завесу, опускающуюся на глаза. Вот эти заключительные строки:

«Когда же кто с радостью переносит труды и скорби, тогда может сильно обуздывать помыслы, потому что помыслы сии трудами приводятся в бездействие. Когда человек помнит прежние свои грехи и наказывает себя, тогда и Бог прилагает попечение о том, чтобы упокоить его»¹¹.

Бывали мы еще в одной келлии Предтеченской. Тоже не велика, разгорожена дощатой переборкой. Совсем уж пасмурно в ней от елей, что покрыли ветвями, со всех сторон обступили. Мала, темна и тесна пустынька, но светел, приветлив хозяин, привольно у него гостям.

Много книг священных, отеческих. И на полке, и в шкафике, и на столе. Среди этого обилия легко находит нужное слово учительное, или страницу, или выдержку. Своей памяти не доверяет, да и не своим словом, не от себя поучает.

— Где там, еще не так скажешь... Вот у святых отцов, у них сказано ясно и просто.

¹⁰ См.: Очерк из истории Американской Православной Духовной миссии (Кодьякской миссии 1794-1837 гг.), СПб., 1894.

¹¹ Творения аввы Исаака Сириянина. Слово 77. Сергиев Посад, 1911. С. 385.

Будто сам не прост. Такой простоты не приходилось еще видеть, широко открытыми глазами смотрели... А как ее опишешь, как передашь? Пускай сам рассказывает.

«Я из крестьян Т-ой губернии. Родители мои, Алексей и Татьяна, помня их Господи, примерные люди были. С малолетства почувствовал я влечение к духовной жизни. Тринадцати лет ходил два раза на богомолье пешком, в Нилову пустынь, что от нас за 150 верст. После этого у меня явилось желание непреодолимое — уйти в монастырь. На шестнадцатом году настойчиво просил я родителей отпустить меня в монастырь. Они уступили моей просьбе, и я шестнадцати лет поступил в Валаамский монастырь».

Начались послушания — на скотном, в сапожной, в просфорной. А через три с половиною года — военная служба, а потом опять монастырь. Опять в сапожную, на Германовский остров, что в 35-ти верстах от монастыря.

«Я работал в сапожной мастерской, и помогал мне старичок, рясофорный о. Виктор, в схиме о. Виссарион. Жили с ним в одной келлии. Он проходил жизнь подвижническую, по утрам чай не пил, ужинать никогда не ходил. Утром всегда вставал до полунощницы, а чтобы меня не тревожить, то в половине второго ночи уходил в сапожную мастерскую. Там и совершал обычное свое большое правило в тиши ночной. В церковь он всегда ходил впереди всех, выстаивал все службы до конца и уходил последним. Назидательный был старичок, на пользу мне было жить с таким. Помня его, Господи, во Царствии Твоем».

Почти четыре года в скиту этом, потом — в экономскую контору, затем в Петербург, на Калашниковскую пристань, в часовню.

«Многомятежный сей град повлиял на меня вредно, и я, немощный духом, не смог вместить городской сутолоки, ибо мне приходилось закупать, отправлять на вокзал и пароход и принимать разные товары, какие требовались для монастыря. Настойчиво просил я о. игумена Маврикия отпустить меня в монастырь, после того как прожил в Петербурге почти два года. О. игумен просьбу мою уважил, отправил меня в Ильинский скит. Этот скит находится в 10 верстах от монастыря, на небольшом острове, окружностью около двух верст. Исполнял я там должность псаломщика. Церковная служба была ежедневно — вечерня, три канона: Иисусу, Божией Матери, Ангелу Хранителю; и акафисты: Спасителю и Богородице поочередно, вечернее правило с Иисусовыми молитвами, утреня. Литургии было две в неделю — в субботу и воскресенье, и в праздники, какие случаются на неделе. Братии жило здесь восемь человек, жизнь текла мирно, в согласии, и ревновали о

духовной жизни. Иеромонах был, правда, строптивого характера, но братия, благодаря этому, только больше преуспевала в терпении».

После трех с половиною лет скитской, мирной жизни — послушание, в монастырскую гостиницу буфетчиком, потом опять на Германовский остров псаломщиком, и, наконец, — радость долгожданная:

«Благословил меня о. игумен выехать в Предтеченский скит. По сердцу пришелся мне этот скит, давно я сюда стремился, но все как-то не исполнялось мое желание. Стремился, ибо раньше жило здесь много подвижников, которые пришли в меру духовного возраста».

Так, через восемнадцать лет различных послушаний, привелось попасть на Предтечин остров. Только не окончательно еще. Через шесть с половиною лет — новое послушание, совсем уж неожиданное. Помимо собственного желания, был он назначен высшей духовной властью настоятелем в монастырь, что лежит далеко на севере, почти у самого Ледовитого океана.

«Назначен я был с посвящением в сан игумена и возложением золотого наперсного креста. Это событие меня очень удивило. Из простого и непосвященного инока да прямо в игумены!.. И еще из такого большого братства. В то время было всей братии на Валааме пятьсот человек, из них 75 иеромонахов и 35 иеродиаконов. Много иеромонахов было с золотыми

Иеросхимонах Феодор с гостем на Порфирьевском острове

крестами. Меня больше всего удивляло то, что выбран был я, от природы не обладавший ни хорошим умом, ни сообразительностью. При этом же человек я недеятельный. Чувствовал себя неспособным и неподготовленным, но отказаться, почему, и сам не знаю, побоялся.

Принял я это назначение совершенно благодушно, волнений не испытывал. Некоторые иноки даже удивлялись моему равнодушию. Я и сам удивлялся себе, ибо я от природы человек трусливый. Бывало, придя в монастырь из скита и во время всенощной пойду прикладываться к Евангелию, а ноги затрясутся, голова закружится, думаю — вот сейчас свалюсь. Иногда даже не подходил из-за этого к Евангелию. При назначении же настоятелем получилось совсем наоборот, вместо страха появились слезы».

Коротки были сборы, около двух недель, зато дорога, включая и езду на оленях, взяла семнадцать дней.

Еще на Валааме советовали новому настоятелю подготовить торжественную речь к братии, даже предлагали воспользоваться услугами одного из иноков, весьма искусного в письме, но он решительно отказался заранее готовиться к слову.

«В монастырь приехали мы, — рассказывает он, — в четыре часа вечера. Братия встретила нас с колокольным звоном. Когда пришли в церковь, то вся братия была уже собрана, царские врата открыты и певчие на хорах запели кондак "Дева днесь". У меня навернулись слезы на глазах, но крепился, чтобы не расплакаться. Надели на меня мантию шелковую, и я вошел в алтарь приложиться к престолу, а затем и к раке преподобного. Когда я повернулся лицом к братии, блеснула мысль: "Скажи что-нибудь", — и я сказал:

"Здравствуйте, святые отцы и братия! За послушание прислан я к вам настоятелем, и со мною еще два помощника, прошу вас, примите нас. Я посвящен во игумена из простого монаха и в двухнедельный срок учился я служить и собирался в дорогу и прошу вас, святые отцы и братия, если заметите какие-нибудь ошибки в службе, покройте мои недостатки христианской любовью. И как я приезжий из другого монастыря и не знаю ваших порядков и дел, то прошу вас, помогайте мне.

Святые отцы и братия! Главное наше дело заключается в том, чтобы между нами были мир, любовь и согласие. Если это будет между нами, тогда все будет хорошо, и благодать Божия почует на нас. Аминь"».

— Ну, а как же приняли Вы монастырь, батюшка, и как понравилось Вам там после Валаама?

Преподобный Герман

— Так принял-то я его просто, даже ничего не проверял. Братия относилась к нам очень хорошо, и я, с Божией помощью, стал помаленьку привыкать на своем новом и столь ответственном послушании. Как заметил я, иноки получили здесь воспитание материальное. В церковь ходили мало, книг святых отцов не читали, и взгляд на духовную жизнь получился у них совершенно сухой. Вначале, по моем приезде, я объяснил им цель иноческой жизни и рекомендовал читать святоотеческие книги. Некоторые иноки приняли мой совет, стали похаживать в церковь и почитать книги святых отцов.

Но все же первые годы управления были тяжелы для нового игумена. Разница в устройстве иноческой жизни на этом далеком севере по сравнению с Валаамом, видимо, давала себя сильно чувствовать. Не раз уносила мысль о настоятеле к родной по духу обители прпп. Сергия и

крестами. Меня больше всего удивляло то, что выбран был я, от природы не обладавший ни хорошим умом, ни сообразительностью. При этом же человек я недеятельный. Чувствовал себя неспособным и неподготовленным, но отказаться, почему, и сам не знаю, побоялся.

Принял я это назначение совершенно благодушно, волнений не испытывал. Некоторые иноки даже удивлялись моему равнодушию. Я и сам удивлялся себе, ибо я от природы человек трусливый. Бывало, приду в монастырь из скита и во время всенощной пойду прикладываться к Евангелию, а ноги затрясутся, голова закружится, думаю — вот сейчас свалюсь. Иногда даже не подходил из-за этого к Евангелию. При назначении же настоятелем получилось совсем наоборот, вместо страха появились слезы».

Коротки были сборы, около двух недель, зато дорога, включая и езду на оленях, взяла семнадцать дней.

Еще на Валааме советовали новому настоятелю подготовить торжественную речь к братии, даже предлагали воспользоваться услугами одного из иноков, весьма искусного в письме, но он решительно отказался заранее готовиться к слову.

«В монастырь приехали мы, — рассказывает он, — в четыре часа вечера. Братия встретила нас с колокольным звоном. Когда пришли в церковь, то вся братия была уже собрана, царские врата открыты и певчие на хорах запели кондак "Дева днесь". У меня навернулись слезы на глазах, но крепился, чтобы не расплакаться. Надели на меня мантию шелковую, и я вошел в алтарь приложиться к престолу, а затем и к раке преподобного. Когда я повернулся лицом к братии, блеснула мысль: "Скажи что-нибудь", — и я сказал:

"Здравствуйте, святые отцы и братия! За послушание прислан я к вам настоятелем, и со мною еще два помощника, прошу вас, примите нас. Я посвящен во игумена из простого монаха и в двухнедельный срок учился я служить и собирался в дорогу и прошу вас, святые отцы и братия, если заметите какие-нибудь ошибки в службе, покройте мои недостатки христианской любовью. И как я приезжий из другого монастыря и не знаю ваших порядков и дел, то прошу вас, помогайте мне.

Святые отцы и братия! Главное наше дело заключается в том, чтобы между нами были мир, любовь и согласие. Если это будет между нами, тогда все будет хорошо, и благодать Божия почует на нас. Аминь"».

—Ну, а как же приняли Вы монастырь, батюшка, и как понравилось Вам там после Валаама?

Преподобный Герман

— Так принял-то я его просто, даже ничего не проверял. Братия относилась к нам очень хорошо, и я, с Божией помощью, стал помаленьку привыкать на своем новом и столь ответственном послушании. Как заметил я, иноки получили здесь воспитание материальное. В церковь ходили мало, книг святых отцов не читали, и взгляд на духовную жизнь получился у них совершенно сухой. Вначале, по моем приезде, я объяснил им цель иноческой жизни и рекомендовал читать святоотеческие книги. Некоторые иноки приняли мой совет, стали похаживать в церковь и почитать книги святых отцов.

Но все же первые годы управления были тяжелы для нового игумена. Разница в устройстве иноческой жизни на этом далеком севере по сравнению с Валаамом, видимо, давала себя сильно чувствовать. Не раз уносилась мысль о настоятеле к родной по духу обители прпп. Сергия и

Германа, а заботы и огорчения, неизбежно связанные с кормилом правления, подгоняли ее, и все сильнее и сильнее раздувалось пламя тоски.

Любовь к Валааму, совершенно исключительная по глубине, ничем неизгладимая привязанность к нему отличают всех его насельников. Да и не только их одних, но и тех, кому пришлось побывать на нем и ощутить его неотразимое влияние. Валаамские же иноки, которые принуждены бывали, по тем или иным причинам, покинуть «дивный остров», обычно тосковали по нем и душою рвались обратно. Примеров этому немало в истории Валаамского монастыря.

Так, игумен о. Варлаам, вынужденный покинуть обитель и переселиться в Оптину пустынь, до конца жизни своей не мог забыть Валаама и говаривал: «Хорошо, нечего сказать, хорошо и у вас, а все же не то, что на Валааме».

И «убогий Герман», тот самый, которого упоминает в своих записках о. Пионий, так же чувствовал. Этот святой старец, как называли его алыты, среди которых он одиноко прожил более сорока лет, оставив по себе благоговейное уважение, ехал «на послушание», в Америку, целый год. Но вот что он писал игумену о. Назарию:

«Ваших отеческих мне убогому благодеяний не изгладят из моего сердца ни страшные непроходимые сибирские места, ни леса темные, ни быстрины великих рек не смоют, ниже грозный океан не угасит чувств оных. Я в уме воображаю любимый мною Валаам, на него всегда смотрю через великий океан»¹².

«Нас нисколько и ни с какой стороны не удивляет, — говорят валаамские иноки, безымянными трудами которых составлена интересная книга о Кодьякской миссии, — то, что в живой и чуткой душе о. Германа столь глубоко запечатлелась и сохранилась навсегда неизменно такая сильная любовь к Валааму... Для каждого из нас он имеет неизъяснимую привлекательность своей чистой, девственной природой, грозно-дикой и спокойно-величественной... Необходимы могучий талант поэта и кисть вдохновенного художника, чтобы, хотя в некоторой степени приблизительного подобия, изобразить в слове или передать на полотне дивные красоты Валаама. Скажем только, что эти чудные красоты валаамской природы с неотразимой силой влияют на душу человека, заставляя его сосредотачиваться в себе и молитвенно преклонять "колени своего сердца" перед бесконечным величием Неизъяснимого и Непостижного».

¹² См.: Очерк из истории Американской Православной Духовной миссии. О. Герман скончался в 1836 г. в Америке, 76-ти лет, и погребен на месте его подвигов на острове, который он назвал Новый Валаам.

Вот такая-то «неизгладимая ничем любовь» заставляла тосковать и нового настоятеля. А тут еще вмешался «искусный в брани», и в одну из трудных минут заявил о. игумен братии, что хочет уехать обратно на Валаам.

«Враг рода человеческого, — продолжал он свой рассказ, — очень искусен в брани и, подобно опытному воину в бою, старается, прежде всего, поразить начальника, чтобы расстроить подчиненных. Так случилось и у нас. Враг поразил мое сердце печалью, унынием и тоской по Валааму, моей духовной родине. Там, думал я, есть духовные старцы, с которыми очень хорошо можно поделиться в скорбную минуту, там удобнее проводить духовную иноческую жизнь, ибо в этих отношениях Валаам мне хорошо известен. Вот я и стал подумывать, как бы туда ускользнуть. К этому прибавились кое-какие неприятности, и я решил ехать. Без искушений никак не обойдешься. В этой временной жизни, подобно как в телеге едешь — то на камешек наедешь, то на кочку попадешь, а иной раз в ухаб въедешь так, что и камилавка на голове встряхнется...»

Но уехать тогда ему не удалось. Братия просили остаться, и после этого случая он оставался в монастыре еще восемь лет. Много еще всяких огорчений пришлось вынести — и больших, и маленьких.

«Был как-то такой случай, — рассказывает он, — служил я Страстную седмицу, со старшим иеродиаконом Прокопием, семидесятилетним старцем. В Среду, на 9-м часе, сделал он мне замечание, но ошибочно, и мы с ним оба порасстроились. Я сделал ему строгий выговор. Но, благодарение Богу, пожар гнева тут же и потушили. Я поклонился ему до земли, он растерялся от неожиданного моего поклона, и мы примирились. После этой вспышки о. Прокопий, как я заметил, стал сосредоточеннее. В Четверг и Пятницу, при чтении Евангелия, его голос прерывался от слез и всхлипываний. А на выносе Плащаницы особенно было назидательно смотреть на него при пении "Тебе, одеяющагося светом". Стоит о. Прокопий в алтаре у жертвенника, поник головой долу и горько плачет. А когда кадили Плащаницу трижды на середине церкви, у о. Прокопия слезы текли просто ручьем».

Одиннадцать лет продолжалось это послушание с его скорбями, испытаниями, но вот кончилось и оно, и привел Господь опять на дорогой сердцу Валаам и на родной Предтечин остров. Вот опять уж шестилетие, после столь долгого отсутствия, живет он в любимом скиту.

Легко с ним, просто. Ободряет, обнадеживает:

— Ведь это с нас, пустынножителей, строго спросится, а к мирским, да в мирской сутолоке живущим, и требования-то к ним другие.

Стоит хотя бы молча посидеть около него и — удивительное дело — упрощаются сложные проблемы, все делается яснее, покойнее, а главное — проще.

— Попроще надо, проще-то лучше... Не осуждать никого, лишнего не говорить... Хорошо бывает, когда человек начинает замечать, что его внутренняя хранилища завалена разным хламом, значит, стал он больше внимать себе и меньше будет обращать внимания на немощи других. Почему знаешь, как и чем кто спасается? Один — смирением, другой — скорбями... Скорби разные или неприятности от людей — их надо переносить благодушно. Господь избрал и послал на проповедь пророков и апостолов, но скорбей от них не отнял. А Спаситель наш, Господь Иисус Христос, сколько скорбей потерпел ради нас... Надо чаще и от всего сердца взывать: «Господи! Помоги нам, грешным, благодушно терпеть посылаемые Тобою скорби... Хотя мы и знаем, что они служат нам на пользу душевную, но малодушествуем и изнемогаем и без Твоей помощи не можем творить ничего... Ими же веши судьбами, спаси нас, грешных!»

Ко всему внешнему, второстепенному не строг. Готов простить многие послабления:

— Так это что ж... Так это можно...

Все внимание направлено на внутреннее делание, на предстояние, трезвение, блюение.

Глубоко, проникновенно любит природу, внутренне соприкасается с ней, переживает, сочувствует. Любит свой остров, не на радуется на него... Рассказывал, как пришлось ему однажды проводить Пасху в одиночестве:

— О. Самуил уехал сразу после службы в монастырь, а я остался один, в совершенном безмолвии, сходил на колокольню, позвонил, да по острову походил... Полнейшая тишина, никого нет, только птички весело поют, особенно дрозд заливается на разные мотивы...

А непривычному к уединению, мирскому человеку, жутко на суровом, диком острове. Мрачно под мохнатыми лапами старых елей, пугают и воющий ветер, и тяжкие удары свирепых волн. Заброшенным, забытым, одиноким до отчаяния, казалось бы, должен чувствовать себя человек, особенно в темноте бесконечных осенних ночей или под стоны зимней вьюги. А вот живут и любят свой остров угрюмый, не могут расстаться с ним, тоскуют без него. И не один какой-нибудь неудачливый художник, а много их, и какие: Иоанн, Илия, Никита, Исая, Василиск, Авель, Мелетий, Аполлоний, Пионий и опять Иоанн, замыкающий шествие. Один за другим, как при горном восхождении, на протяжении столетия связаны

Храм Иоанна Предтечи

они вервием поучений изустных, а главное — житийных, живым примером личного подвига.

Чреда ревнителей имени Предтечи, его пустынного, постнического жития, чреда суровых бойцов, беспощадных к себе, неустанных молитвенников, предстоятелей, вышедших из самой толщи крестьянской. «Слабенькие грамотой», могучие душой, — единой, целостной, великой душой всего народа. Не Иваны, но Иоанны, не сыны крестьянские из деревенских захолустий, но отцы, к которым прибегают, в скорбях своих, их духовные дети со всех концов Руси, а ныне — со всех концов земли. Подвигом добрым подвизаясь, в ежечасном, неусыпном борении постигли они тайну

Стоит хотя бы молча посидеть около него и — удивительное дело — упрощаются сложные проблемы, все делается яснее, покойнее, а главное — проще.

— Попроще надо, проще-то лучше... Не осуждать никого, лишнего не говорить... Хорошо бывает, когда человек начинает замечать, что его внутренняя храмина завалена разным хламом, значит, стал он больше внимать себе и меньше будет обращать внимания на немощи других. Почему знаешь, как и чем кто спасается? Один — смирением, другой — скорбями... Скорби разные или неприятности от людей — их надо переносить благодушно. Господь избрал и послал на проповедь пророков и апостолов, но скорбей от них не отнял. А Спаситель наш, Господь Иисус Христос, сколько скорбей потерпел ради нас... Надо чаще и от всего сердца взывать: «Господи! Помогни нам, грешным, благодушно терпеть посылаемые Тобою скорби... Хотя мы и знаем, что они служат нам на пользу душевную, но малодушествуем и изнемогаем и без Твоей помощи не можем творить ничего... Ими же веши судьбами, спаси нас, грешных!»

Ко всему внешнему, второстепенному не строг. Готов простить многие послабления:

— Так это что ж... Так это можно...

Все внимание направлено на внутреннее делание, на предстояние, трезвение, блюдение.

Глубоко, проникновенно любит природу, внутренне соприкасается с ней, переживает, сочувствует. Любит свой остров, не нарадуется на него... Рассказывал, как пришлось ему однажды проводить Пасху в одиночестве:

— О. Самуил уехал сразу после службы в монастырь, а я остался один, в совершенном безмолвии, сходил на колокольню, позвонил, да по острову походил... Полнейшая тишина, никого нет, только птички весело поют, особенно дрозд заливается на разные мотивы...

А непривычному к уединению, мирскому человеку, жутко на суровом, диком острове. Мрачно под мохнатыми лапами старых елей, пугают и воющий ветер, и тяжкие удары свирепых волн. Заброшенным, забытым, одиноким до отчаяния, казалось бы, должен чувствовать себя человек, особенно в темноте бесконечных осенних ночей или под стоны зимней вьюги. А вот живут и любят свой остров угрюмый, не могут расстаться с ним, тоскуют без него. И не один какой-нибудь неудачливый художник, а много их, и какие: Иоанн, Илия, Никита, Исая, Василиск, Авель, Мелетий, Аполлоний, Пионий и опять Иоанн, замыкающий шествие. Один за другим, как при горном восхождении, на протяжении столетия связаны

Храм Иоанна Предтечи

они вервием поучений изустных, а главное — житийных, живым примером личного подвига.

Чреда ревнителей имени Предтечи, его пустынного, постнического жития, чреда суровых бойцов, беспощадных к себе, неустанных молитвенников, предстоятелей, вышедших из самой толщи крестьянской. «Слабенькие грамотой», могучие душой, — единой, целостной, великой душой всего народа. Не Иваны, но Иоанны, не сыны крестьянские из деревенских захолустий, но отцы, к которым прибегают, в скорбях своих, их духовные дети со всех концов Руси, а ныне — со всех концов земли. Подвигом добрым подвизаясь, в ежечасном, неусыпном борении постигли они тайну

преображения души и могут теперь, благодатью вспомоществуемые, врачевать души людские.

«Воинство духовное! — восклицает свт. Игнатий Брянчанинов. — Блаженные жители острова священного! Да снидет на вас благословение неба за то, что вы возлюбили небо! Да почиет на вас благословение странника за то, что вы возлюбили странноприимство! Да услышатся молитвы ваши Богом, да приятны будут Ему хвалебные песнопения ваши, потому что молитвы и песнопения ваши полны благоговения священного!..» И завещает: «Вам даровал Промысл Божий отдельное, удаленное от всех соблазнов селение, величественный, вдохновенный Валаам. Держитесь этого пристанища, невозмущаемого волнами житейского моря; мужественно претерпевайте в нем невидимые бури; не давайте благой ревности остывать в душах ваших, обновляйте, поддерживайте ее чтением святых отеческих книг; бегите в эти книги умом и сердцем, уединяйтесь в них мыслями и чувствами, — и Валаам, на котором вы видите гранитные уступы и высокие горы, делается для вас ступенью к небу, той духовной высотой, с которой удобен переход в обители рая».

Последние из чреды этой восходящей — еще среди нас, а с ними и те, опередившие, словами которых они говорят, заветами и подвигами которых они живут. Только последних довелось видеть, но тот же образ, что рисуют свидетели прошлого, встает перед умственным взором — тихий, светлый, радостный. Где же печать угрюмого, дикого острова? Где взгляд отчужденный, пронзительно-жуткий из-под хмурых бровей? Губы сурово сжатые, чужанье мирского, хранение своей святости? Как и когда вообразился в них грозный лик Предтечев? Не на себя ли только одних обратили они пламенно-жгучий взор его, не к себе ли одним применили «глас его вопиющий»? Знают они: «Сей прииде во свидетельство, да свидетельствует о Свете, да вси веру имут ему. Не бе той свет, но да свидетельствует о Свете» (Ин. 1, 7–8); «Света светильник предпутие творит».

Знаем и мы, что когда вышли из темных келлий старцы, увидели мы отблеск милостивого, радостного света Грядущего, Того, Кто «кроток и смирен сердцем».

«Бе Свет истинный, иже просвещает всякаго человека, грядущаго в мир» (Ин. 1, 9).

Старец-пустынный

Рядом с хмурым, точно замкнувшимся в таинственную чашу своих лесов, Предтеченским островом — открытый, светло-приветливый Порфирьевский. Если глядеть на него с высокой горы Елеонской, то манит радостная полянка с часовней, похожей на церковку, тянет к себе тихий заливчик, зовет уют мирной, благолепной пустыньки. Как будто с иконы — немного условный, нарочито выписанный, нездешним овеванный пейзаж. И когда в мареве ярких солнечных лучей глянул он впервые на нас, сердце дрогнуло радостью давно забытой мечты.

— Что это?.. Кто там живет?..

— А это Порфирьевский остров, — ответили нам, — живет там вот уже двадцать лет пустынный один, схиигумен о. Феодор.

И вот потянуло туда, к нему... Отговаривали: далеко-де от монастыря, более семи километров, и опасно ехать на лодочке, если пойдет волна из Ладоги, да, может быть, он и не примет. Точно желая припугнуть, расска-

преображения души и могут теперь, благодатью вспомоществуемые, врачевать души людские.

«Воинство духовное! — восклицает свт. Игнатий Брянчанинов. — Блаженные жители острова священного! Да снидет на вас благословение неба за то, что вы возлюбили небо! Да почует на вас благословение странника за то, что вы возлюбили странноприимство! Да услышатся молитвы ваши Богом, да приятны будут Ему хвалебные песнопения ваши, потому что молитвы и песнопения ваши полны благоговения священного!..» И завещает: «Вам даровал Промысл Божий отдельное, удаленное от всех соблазнов селение, величественный, вдохновенный Валаам. Держитесь этого пристанища, невозмущаемого волнами житейского моря; мужественно претерпевайте в нем невидимые бури; не давайте благой ревности остывать в душах ваших, обновляйте, поддерживайте ее чтением святых отеческих книг; бегите в эти книги умом и сердцем, уединяйтесь в них мыслями и чувствами, — и Валаам, на котором вы видите гранитные уступы и высокие горы, делается для вас ступенью к небу, той духовной высотой, с которой удобен переход в обители рая».

Последние из чреды этой восходящей — еще среди нас, а с ними и те, опередившие, словами которых они говорят, заветами и подвигами которых они живут. Только последних довелось видеть, но тот же образ, что рисуют свидетели прошлого, встает перед умственным взором — тихий, светлый, радостный. Где же печать угрюмого, дикого острова? Где взгляд отчужденный, пронзительно-жуткий из-под хмурых бровей? Губы сурово сжатые, чужанье мирского, хранение своей святости? Как и когда вообразился в них грозный лик Предтечев? Не на себя ли только одних обратили они пламенно-жгучий взор его, не к себе ли одним применили «глас его вопиющий»? Знают они: «Сей прииде во свидетельство, да свидетельствует о Свете, да вси веру имут ему. Не бе той свет, но да свидетельствует о Свете» (Ин. 1, 7–8); «Света светильник предпутие творит».

Знаем и мы, что когда вышли из темных келлий старцы, увидели мы отблеск милостивого, радостного света Грядущего, Того, Кто «кроток и смирен сердцем».

«Бе Свет истинный, иже просвещает всякаго человека, грядущаго в мир» (Ин. 1, 9).

Старец-пустынный

Рядом с хмурым, точно замкнувшимся в таинственную чашу своих лесов, Предтеченским островом — открытый, светло-приветливый Порфирьевский. Если глядеть на него с высокой горы Елеонской, то манит радостная полянка с часовней, похожей на церковку, тянет к себе тихий заливчик, зовет уют мирной, благолепной пустыньки. Как будто с иконы — немного условный, нарочито выписанный, нездешним овеванный пейзаж. И когда в мареве ярких солнечных лучей глянул он впервые на нас, сердце дрогнуло радостью давно забытой мечты.

— Что это?.. Кто там живет?..

— А это Порфирьевский остров, — ответили нам, — живет там вот уже двадцать лет пустынный один, схиигумен о. Феодор.

И вот потянуло туда, к нему... Отговаривали: далеко-де от монастыря, более семи километров, и опасно ехать на лодочке, если пойдет волна из Ладоги, да, может быть, он и не примет. Точно желая припугнуть, расска-

зывали жуткую историю о жившем там ранее монахе Порфирии, по имени которого и назван остров.

Позднее удалось получить о нем выписку из «кладбищенской записи». Вот она в сокращении:

«Схимонах о. Порфирий был из дворян, воспитывался в Дерптском Университете, в 1821 г. поступил в Курский Знаменский монастырь, и там с именем Порфирия пострижен в рясофор. В 1824 г., по прошению, перемещен в Коневский монастырь и жил там в безмолвном уединении. В 1826 г. перемещен, по прошению, в Валаамский монастырь, и здесь в 1827 г. пострижен в монашество 19 февраля и облечен в схиму 30 марта. Жил он в пустыни, проводил строгую подвижническую жизнь, но без старческого руководства.

— Как живешь ты, о. Порфирий, без старческого водительства? — спрашивал его монах Дамаскин, его сосед по пустыни, впоследствии игумен Валаамского монастыря. — Как не опасаться?

— Справедливо, что опасна моя жизнь, — отвечал о. Порфирий, — но что делать? Не нахожу человека, которого я мог бы избрать себе в наставники.

23 октября 1828 г., когда заливы только что покрылись льдом, шел о. Порфирий в скит к духовнику.

— Напрасно идешь ты по такому тонкому льду, — сказал ему о. Дамаскин.

— Ничего, дойду, здесь поближе, — ответил о. Порфирий.

— Так возьми хоть палочку, — предложил о. Дамаскин.

— Хорошо, благослови, — сказал тот и, взяв палочку, пошел, постепенно скрываясь от о. Дамаскина, долго провожавшего его взорами и как бы предчувствовавшего ожидавшее его несчастье. Однако благополучно дошел до скита о. Порфирий и к вечеру пошел заливом в монастырь. Едва отошел он на несколько сажень от берега, как вдруг под ним проломился лед... Долго слышали скитские старцы отдаленный крик, заглушаемый ветром, и приняли его за завывание бури. Скоро дело разъяснилось: монах Феодорит, идя из монастыря в скит мимо залива, заметил в заливе на белом снегу черный круг, к кругу вели человеческие следы, обратных следов не было. Тогда возвратился о. Феодорит в монастырь и там объявил о виденном. Вскоре прибыли братья и с трудом, постлав доски, достигли круга; опустили багор и вытащили мертвого о. Порфирия, в руках утопшего была палочка о. Дамаскина. Утонул он 28 лет от рождения».

Еп. Игнатий Брянчанинов, которому известен был этот случай, приводит его в своем сочинении «О молитве Иисусовой» в разговоре старца с учеником.

«Ученик. Могут ли от прелести, именуемой мнением, породиться какие-либо осязательные, видимые, несчастные последствия?»

Старец. Из этого рода прелести возникли пагубные ереси, расколы, безбожие, богохульство... Случаются с зараженными мнением делателями молитвы и несчастья, очевидные для всех, но редко... На Валаамском острове, в отдельной пустынной хижине, жил схимонах Порфирий, которого и я видел. Он занимался подвигом молитвы. Какого рода был этот подвиг — положительно не знаю. Можно догадываться о неправильности его по любимому чтению схимонаха: он высоко ценил книгу западного писателя Фомы Кемпийского о подражании Христу и руководствовался ею. Книга эта написана из мненья. Это сказал мне духоносный старец Исая, безмолвствовавший в Никифоровской пустыне. Едва прочитали ему небольшой отрывок из книги, он рассмеялся и воскликнул: "О! Это из мненья написано. Как мнилось и представлялось Фоме, так он и написал".

Порфирий однажды вечером, в осеннее время, посетил старцев скита, от которого невдалеке была его пустыня. Когда он прощался со старцами, они предостерегали его, говоря: "Не вздумай пройти по льду: лед только что встал и очень тонок". Пустыня Порфирия отделялась от скита глубоким заливом Ладожского озера, который надо было обходить. Схимонах ответил тихим голосом, с наружною скромностью: "Я уже легок стал". Он ушел. Через короткое время услышали отчаянный крик...»

О. Порфирий был схимником и пустынником в 27 лет, а о. Феодор 23 года нес различные монастырские послушания, готовясь к житию пустынному, о котором он мечтал со времени поступления в монастырь. Был он поваром на Тихвинском острове, иеродиаконем и иеромонахом в Петербурге, благочинным на Валааме, игуменом в Борисоглебском Хлебниковом монастыре, и только пройдя все эти послушания, уединился он в пустыньку на Порфирьевском острове. А великую схиму принял он через 32 года после вступления в монастырь. Впрочем, обо всем этом узнали мы подробнее впоследствии, а тогда, стремясь к нему, не испугались ни страшных рассказов, ни грозной волны ладожской. Удалось на своем настоять, и лодку достать, и время выбрать, и наконец-то едем...

Едем к отцу Феодору. Еще не знаем его, но тянемся к нему душою. Едем монастырскими заливами, что лежат меж скал и могучих валаамских лесов. Солнце светит. Северное, ласково-теплое, неопалющее, нетомящее, спокойное, ясное. Стоит высоко в безоблачном небе уже давно, и кажется, что так и будет долго, долго... Будет светло, ясно, спокойно, будет «день невечерний».

Безбрежно и спокойно раскинулась Ладога, чуть шевелит широкими, пологими волнами. Отошла ранняя обедня, и будто не одни только люди, но и все окрест помолилось, успокоилось, ушло внутрь, к сердцу, подальше от суетливых мятежных мыслей. Суровы громадные сосны над пугающими обрывами серых скал. Наклоняются, заглядывают вниз. А там, среди хаоса громоздящихся камней, нежданно-светлая, ясная улыбка коврика Богородицыной травки или изумрудная, крохотная полянка, и у самой воды, точно с разбегу, неожиданно для себя, стала нежная, стройная березка Троицына дня и трепещет-возносится над темной водой и серо-черными изломами камней.

Мерно постукивают в uključинах весла, плыть далеко. И радостно, что далеко, что надобно потрудиться и что поболит спина. Едем ведь к мечте детства, к порыву юности, светлой думе зрелости, скорбному вздоху старости. Не обманет ли светлая сказка, не оттолкнет ли грубая действительность? Сложна и запутана жизнь, есть ли в ней место мечте, вздоху сердца?!

Вот и Порфирьевский остров. Перед ним — скрытая водой каменная луда. Надо обходить ее, искать дорогу. Вот широкий, привольный заливчик, с вытасенной в ракитник лодкой. Залитая солнцем полянка, а за ней на взлобочке — часовня прп. Серафима Саровского. Будто сам угодник стоит здесь и молится над тихим местом, над гладью воды, у стены сомкнувшегося леса. Дорожка поднимается полого, и видны тщательно возделанные гряды, кусты смородины. И в звенящей тишине ясно, ласково светит солнце. Молодые дубки стоят полукругом поодаль и точно любят на дорожную часовенку. Сам отец Феодор сажал их, заботливо, любовно подвязывал им, молодым еще, подпоры. Завернула дорожка в лес, под ветви елей, в полусумрак зеленый, через корявые корни. Выбежали к тропке из леса крохотные, нежно-розовые колокольчики линией и кадят на проходящих слабым, чуть миндальным дыханием. Где же? И как-то будет?.. Ласково гладят по голове ветви яблонь, и, склонясь, подходим к домику. А на завалинке — отец Феодор, в сиянии седых, волнистых кудрей и пушистой, отеческой бороды.

— Дальние?

— Ох, дальние...

Далекое от этой благословенной и благословляющей жизни, что покойно, задумчиво и проникновенно смотрит на нас.

— Ну посидите! Самоварчик согрею.

Сидим. Глубоко внизу поблескивает живым, мерцающим светом Ладога. За шаткими перильцами круто сбегает вниз тропинка и слабо намеча-

ется в глубине полянка, с узкими полосками-грядками. Вблизи — кусты малины и через ветви высоких яблонь яркими пятнами ложатся на серые доски стола светлые блики.

Пьем чай и ведем простую беседу, о простом и совсем попросту. Чай пьем с душистым вареньем, только что сваренным, еще теплым, едим белый хлеб, тоже только испеченный, совсем уж удивительный — ароматный, какой-то профсорный.

— Поговорить бы...

И первый же вопрос его, начинающий беседу, казалось бы, такой простой и почти естественный, касается прямо, твердо и прозорливо самой сложной, самой запутанной проблемы жизни. И то, что стало за долгие годы привычным по неотвязности, по устоявшемуся компромиссу, что перестало и тревожить, как хроническая болезнь, вдруг предстало обнаженным, судорожно стянутым узлом, требующим немедленного разрешения. Благословляющая рука легко опускается на крепко стянутые, сложно переплетенные нити и проясняется затуманенное, просветляется потемневшее. Дальние, ох, дальние, мы от этой ясной простоты и просветления всех сторон жизни, вознесения ее в свет Христов, в молитву Иисусову.

— Прежде всего, надо основание положить каменное, а потом понемногу и созидать. Веру нужно иметь живую, предать себя Господу, как железо кузнецу. Стараться все заповеди Господни исполнять по слову пророка Давида: «Ко всем заповедям Твоим направляхся, всяк путь неправды возненавидех» (Пс. 118, 128), и ничего-то от Господа желать не надо. Молиться надо в простоте сердца. Считаю себя хуже худой земли. А скорби — это щетки духовные, которые очищают душевную нечистоту. Если мы, по своей слабости, не можем еще радоваться скорбям, то все-таки с благодарением должны переносить их...

Затихли, прислушиваемся ко внутреннему, а там так же хорошо, как и вовне. Под высоким солнцем, под ясным небом — остров приветливый, под яблоньками взращенными, выхоженными, плодоносными — старец схиигумен, опытом умудренный, молитвою просветленный, ласково привечает, обогревает озябшую душу. Улыбается душа, будто жмурится от обилия света и тепла.

«Помолимся... Достойно есть...» — поет высоким, приятным, совсем юношеским тенором. Видно, так и не переломился голос, не перешел в темные и томные низкие тоны. «...Блажители Тя... Пренепорочную...» — разносится чистый, убажжающий голос, как благословение над молчаливыми соснами и над гладким заливом, и ширится дальше, к другим островам. Вот

на ближнем острове двое людей поднялись с камней, встали и затихли в благоговейном безмолвии, внимая четко звучащему знаменному напеву.

Показывает хозяйство свое. Фруктовый сад, большой огород. Землю зимами на себе возил, с соседних островов. Ломом откалывал, мерзлыми комьями сваливал. Двадцать лет назад. А теперь вот как все поднялось, питается, плодоносит. Воды тоже по полтора ведра нашивать приходилось. Видали мы потом уж, как в высоких сапогах, в белой рубахе русской, а поверх — большой крест на груди и параман на спине, с непокрытой белой, сияющей головой, весь в радостном солнце, работает, трудится старец над землею. И поняли: вот она — мечта воплощенная. Мечта не одиночного человека, а взлелеянная миллионами простого русского народа, возвращенная веками. Еще тогда, давно-давно, когда в чайнии иной жизни уходил в дремучие, нетронутые леса подвижник и там в дебрях ставил свою пустынную келлию, тянулись за ним и мирские, жались ближе к иноку, и предносилась им жизнь благословенная, омоленная, от Христа неотрывная.

И вот — осуществилась здесь. Вся жизнь — во Христе. Целиком, без остатка, день-нощная жизнь, со всеми хозяйственными мелочными заботами: и гряды, и сенокос, и варенье, и хлебы. Хлеб — как и жизнь — на доброй закваске, что положена в три меры муки, доколе не вскиснет все. Так-то перебродило, вскисло все, вся жизнь целокупно, с заботой, тревогами, скорбями и радованием. Все вскисло, чтобы стать хлебом истинным, питающим. Каждый миг претворился со Христом и во Христе. Всякая работа стала делом просветленным, творимым в благодатном озарении молитвы Иисусовой. Вот почему так просто, ясно и уветливо вокруг. Вот почему по-особенному ароматны ягоды, сладостны яблоки, полторы сотни томатов на одном кусту.

Сам-то он ведь из тех коренных землеробов, что искони хозяйствовали на земле. В крови у него все мечты, все думы земляные.

«Семейка наша была в двадцать человек, — рассказывал о. Феодор, — и все вместе жили. Ни ссор, ни дразг у нас не бывало. Вот как вел нас отец. Богомольный он был. За всю жизнь свою не пропустил ни одной ранней обедни. А церковь от нас в четырех верстах была...»

Когда я еще мальчишкой был, случилась вот какая история. По зиме дело было. Устроили деревенские ребята гору ледяную и катались с ней. А я стоял да смотрел. И вот разлетелся один с горы-то, на салазках, да и подшиб меня. Я так навзничь и грохнулся, головой оземь. Больше ничего не помню. И как до дому добрался — ничего. Это уж ангел-

хранитель меня довел. После, как в себя пришел, ходить ничем не мог. Отнялись у меня ноги. Лежал, и здоровым мне быть уж не чаяли.

А в нашей стороне, не так и далеко от нас, лежала на одре сорок лет одна девушка. Ногами не владела, рука одна подкорчена, а другой чуть только шевелить могла. Ходили к ней за советами, за помощью. А у нас к моей-то болезни и еще беда прибавилась — жеребенок хороший пропал. Вот мамаша и пошла к девушке-то этой самой. Та утешила, сказала, что жеребенок найдется, объяснила, что для этого сделать надобно, и про меня обнадежила — что выздоровею. «Как пойдете, — говорит, — в воскресенье к обедне, купите свечей, сколько рука захватит и начинайте ставить подряд всем иконам, а кому будет последняя свечка, тому святому и отслужить молебен». Так все и сделали, и действительно, встал я вскорости на ноги и вот до сего дня, а мне уж за семьдесят, так и не болел ногами никогда.

Как стал я подрастать, начал читать Библию, стали появляться у меня разные вопросы, а разрешать-то их и некому было. Много я горевал и Богу молился с сокрушением. И вот что по семнадцатому году со мной случилось. Очень сильно скорбел я как-то и в воскресный день пошел бродить полями. Шел долго, стемнело, и гроза надвинулась. И вот дошел я до избушечки, подошел к двери, дай, думаю, зайду укрыться, а из-за двери мне и говорят:

— Входи, входи — я тебя давно поджидаю.

Оказалось, что, сам того не зная, пришел я к этой самой девице, что на одре сорок лет лежала. После того я за нею шесть лет, до самой ее смерти, ухаживал. Наставляла она меня во всем. Библию, Евангелие объясняла, в духовной жизни меня руководствовала, и на Валаам она же меня послала. И всю-то мою жизнь мне предсказала, и что с Валаама меня прогонят, но потом опять вернусь. И все так и вышло, как она сказала.

Когда умирала она, то передала меня другой старице, схимонахине Страстного монастыря, что в Москве. Вот и самоварчик этот от нее, в наследство получил. Давно уж надо было бы его поправить отдать, а вот никак не могу. Уж такая это для меня память дорогая, просто и дня не могу без него прожить, да и не хочется в чужие руки, в мастерскую отдавать...»

Так-то и был ведом о. Феодор и в юности, и позднее, в монашестве, женской рукой — старицами, да и на женских работах. Сам рассказывал:

«Мужских работ я не исполнял никогда. Я и кошу-то отбить да наточить не умел. А вот молочное хозяйство хорошо вел. Как выделил отец, потом уж, под конец жизни своей, всех детей и построил каждому дом хороший, остался я один с родителями. Вот тут и пришлось мне заняться с коровушками. И как

на ближнем острове двое людей поднялись с камней, встали и затихли в благоговейном безмолвии, внимая четко звучащему знаменному напеву.

Показывает хозяйство свое. Фруктовый сад, большой огород. Землю зимами на себе возил, с соседних островов. Ломом откалывал, мерзлыми комьями сваливал. Двадцать лет назад. А теперь вот как все поднялось, питается, плодоносит. Воды тоже по полтора ведра нашивать приходилось. Видали мы потом уж, как в высоких сапогах, в белой рубахе русской, а поверх — большой крест на груди и параман на спине, с непокрытой белой, сияющей головой, весь в радостном солнце, работает, трудится старец над землею. И поняли: вот она — мечта воплощенная. Мечта не одиночного человека, а взлелеянная миллионами простого русского народа, возвращенная веками. Еще тогда, давно-давно, когда в чайнии иной жизни уходил в дремучие, нетронутые леса подвижник и там в дубах ставил свою пустынную келлию, тянулись за ним и мирские, жались ближе к иноку, и предносилась им жизнь благословенная, омоленная, от Христа неотрывная.

И вот — осуществилась здесь. Вся жизнь — во Христе. Целиком, без остатка, день-ночная жизнь, со всеми хозяйственными мелочными заботами: и гряды, и сенокос, и варенье, и хлебы. Хлеб — как и жизнь — на доброй закваске, что положена в три меры муки, доколе не вскиснет все. Так-то перебродило, вскисло все, вся жизнь целокупно, с заботой, тревогами, скорбями и радованием. Все вскисло, чтобы стать хлебом истинным, питающим. Каждый миг претворился со Христом и во Христе. Всякая работа стала делом просветленным, творимым в благодатном озарении молитвы Иисусовой. Вот почему так просто, ясно и уветливо вокруг. Вот почему по-особенному ароматны ягоды, сладостны яблоки, полторы сотни томатов на одном кусту.

Сам-то он ведь из тех коренных землеробов, что искони хозяйствовали на земле. В крови у него все мечты, все думы земляные.

«Семейка наша была в двадцать человек, — рассказывал о. Феодор, — и все вместе жили. Ни ссор, ни дразг у нас не бывало. Вот как вел нас отец. Богомольный он был. За всю жизнь свою не пропустил ни одной ранней обедни. А церковь от нас в четырех верстах была...»

Когда я еще мальчишкой был, случилась вот какая история. По зиме дело было. Устроили деревенские ребята гору ледяную и катались с ней. А я стоял да смотрел. И вот разлетелся один с горы-то, на салазках, да и подшиб меня. Я так навзничь и грохнулся, головой оземь. Больше ничего не помню. И как до дому добрался — ничего. Это уж ангел-

хранитель меня довел. После, как в себя пришел, ходить ничем не мог. Отнялись у меня ноги. Лежал, и здоровым мне быть уж не чаяли.

А в нашей стороне, не так и далеко от нас, лежала на одре сорок лет одна девушка. Ногами не владела, рука одна подкорчена, а другой чуть только шевелить могла. Ходили к ней за советами, за помощью. А у нас к моей-то болезни и еще беда прибавилась — жеребенок хороший пропал. Вот мамаша и пошла к девушке-то этой самой. Та утешила, сказала, что жеребенок найдется, объяснила, что для этого сделать надобно, и про меня обнадежила — что выздоровею. «Как пойдете, — говорит, — в воскресенье к обедне, купите свечей, сколько рука захватит и начинайте ставить подряд всем иконам, а кому будет последняя свечка, тому святому и отслужить молебен». Так все и сделали, и действительно, встал я вскорости на ноги и вот до сего дня, а мне уж за семьдесят, так и не болел ногами никогда.

Как стал я подрастать, начал читать Библию, стали появляться у меня разные вопросы, а разрешать-то их и некому было. Много я горевал и Богу молился с сокрушением. И вот что по семнадцатому году со мной случилось. Очень сильно скорбел я как-то и в воскресный день пошел бродить полями. Шел долго, стемнело, и гроза надвинулась. И вот дошел я до избушечки, подошел к двери, дай, думаю, зайду укрыться, а из-за двери мне и говорят:

— Входи, входи — я тебя давно поджидаю.

Оказалось, что, сам того не зная, пришел я к этой самой девице, что на одре сорок лет лежала. После того я за нею шесть лет, до самой ее смерти, ухаживал. Наставляла она меня во всем. Библию, Евангелие объясняла, в духовной жизни меня руководствовала, и на Валаам она же меня послала. И всю-то мою жизнь мне предсказала, и что с Валаама меня прогонят, но потом опять вернусь. И все так и вышло, как она сказала.

Когда умирала она, то передала меня другой старице, схимонахине Страстного монастыря, что в Москве. Вот и самоварчик этот от нее, в наследство получил. Давно уж надо было бы его поправить отдать, а вот никак не могу. Уж такая это для меня память дорогая, просто и дня не могу без него прожить, да и не хочется в чужие руки, в мастерскую отдавать...»

Так-то и был вестом о. Феодор и в юности, и позднее, в монашестве, женской рукой — старицами, да и на женских работах. Сам рассказывал:

«Мужских работ я не исполнял никогда. Я и кошу-то отбить да наточить не умел. А вот молочное хозяйство хорошо вел. Как выделил отец, потом уж, под конец жизни своей, всех детей и построил каждому дом хороший, остался я один с родителями. Вот тут и пришлось мне заняться с коровушками. И как

хорошо у меня хозяйство - то молочное шло. А потом как на Валаам попал, это после уж, как отца, а через год за ним и мать схоронил, первым моим послушанием было — готовить пищу на сто человек в Тихвинском скиту. Год целый работал так-то и совсем один, никаких и помощников не было... Сам и хлебы бывало ставил, когда не хватало того, что из монастыря привезут...»

Может быть, это исключительное преобладание женского влияния в жизни о. Феодора придало оттенок особой мягкости его доброте, нежной ласковости его голосу, а в приеме гостей — чисто женской хлопотливости в стремлении угостить и приглубить.

Любит о. Феодор Матерь Божию, любит величать, улаживать Ее, Пренепорочную. О. Иувиан рассказывает:

«...В минуты духовного восторга старец изливал свою радость растроганным пением в честь и славу Преподобной Заступницы рода христианского Пресвятой Девы Марии. Тихими летними вечерами, когда никого из посетителей уже не оставалось у него на острове, о. Феодор выходил из своего домика и при виде окружавшей его дивной природы с великим умилением воспевал наиболее любимое им песнопение к Божией Матери: "О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь".

Он пел замечательно чистым, высоким и гармоничным тенором, и пение это было настолько улаживающе, что оно казалось неземным: пела сама умиленная душа старца, погруженная в богомыслие и восторженная окружавшим ее величием Божиим, вся премудростью сотворившим.

Тот, кто случайно слышал это пение, неведомо для о. Федора, тот никогда не забудет его: настолько оно прекрасно и дивно».

Радостно, светло в пустыньке о. Федора, будто слышатся голоса птиц — Сирина и Алконоста:

«Обещал Господь людям ищущим: будет, детушки, вам все новое. Небо новое дам — хрустальное, землю новую дам — нетленную. Царство светлое нарождается. Град невидимый создается — несказанный свет возжигается»¹³.

Вся жизнь о. Феодора пронизана молитвой, вся она — предстояние. И с этим пустынным житием во Христе неотъемлемо слито — как продолжение и завершение — ночное его богослужение в скиту, что построен в честь Коневской иконы Божией Матери.

На берегу внутреннего зеркального озера, возле мостика — малая церковка. Стоит совсем в лесу, и закрыли ее купы дерев. Только крыльч-

Коневский скит

ко зовет, манит резным навесом и приоткрытой дверью. Открой, войди, поднимись еще повыше, и матерински нежно обнимет проникновенная тишина, теплый, живой свет лампад и свечей мерцающих. Ласково, умиленно взирает Всемилостивая. Ее Младенец радостно занялся птичкой, что у Него в руке. В той всемогущей Деснице, которая поддерживает над бездной вселенную, с ее бесчисленными мирами-звездами, в сиянии тысяч солнц.

«Пади на колена...» — говорит о. Феодор. Благодатно разрешает он узы, связавшие душу, Божественной милостью снимает тяжесть гнетущую. Теперь легко внимать Божественному служению.

Возглашают и отвечают, славословят два благолепных старца-схимника, пустынники. Один в алтаре, пред Престолом Всевышнего, другой — отсюда, от нас. Оба предстательствуют о всех и за вся. По-новому звучат в лесном сумраке привычные слова. А если какое из них и замедлит, не сразу выберется из-под нависших усов, то слышно, как ту же хвалу Создателю всяческих щебечет лесная пташка и, мягко приныкая к окну, шепчет гибкая ветвь. Как из переполненной чаши, переливается молитва из церковки и струится окрест, наполняет тихие воды и чуткую лесную глушь и все, что живет в ней и чаёт «освобождения в свободу славы детей Божиих» (Рим.

¹³Из Сказания о граде Китеже и девице Февронии.

8, 21). И вздох этого чаяния проникает в церковь ароматами, шелестами и всякими гласами.

Благоуханно, проникновенно ночное служение в лесном храме.

Поет на клиросе о. Николай, а с подоконника заводит свою песню голубенький, под цвет иконостаса, чайник. Заботливыми, но плохо гнущимися пальцами оправляет о. Николай огонек под чайником. Сейчас принесет его в алтарь. «Благословенна теплота святых Твоих... Теплота веры».

— Шире открой!.. Бери, бери... — наставляет отец Феодор, добрый слуга преизобилующего в щедротах Господина.

«Благодарю Тя, Господи, Боже мой, яко не отринул мя еси грешнаго... Ты бо еси истинное желание и неизреченное веселие любящих Тя... и Тя поет вся тварь во веки...» Поет тварь. Ликует, славословит птичка, что выпорхнула из руки Радостного Младенца, шепчет, благоухает былие всякое, и легким кадильным дымком стелется предутренний туман над тихим озером...

Светлый, милостивый солнечный день так и остался в душе, глубоко, как робкая надежда, что будет «день невечерний», и в сиянии Вечного Солнца встретит, укроет крылом и будет предстательствовать и за нас благодатный старец.

Час смертный

Русскому народу свойственна покорность. Ее признаки проявляются в выносливости, отличавшей еще предков славян. Она помогала им переносить суровые лишения, неблагоприятные или враждебные условия жизни. Покорность же проявляется и в податливости, гибкости, применяемости и приспособляемости к самым различным обстоятельствам. И — терпение, доверчивое долготерпение русского народа, его безропотность в тяжелых испытаниях... Все это — проявление покорности. С покорностью перед неизбежным принимает русский и свой «час смертный».

Тургенев в своем рассказе «Смерть» дважды восклицает: «Удивительно умирают русские люди!..» — и приводит несколько примеров: смерть подрядчика на лесной порубке, мельника, недоучившегося студента Авенира

8, 21). И вздох этого чаяния проникает в церковь ароматами, шелестами и всякими гласами.

Благоуханно, проникновенно ночное служение в лесном храме.

Поет на клиросе о. Николай, а с подоконника заводит свою песню голубенький, под цвет иконостаса, чайник. Заботливыми, но плохо гнущимися пальцами оправляет о. Николай огонек под чайником. Сейчас принесет его в алтарь. «Благословенна теплота святых Твоих... Теплота веры».

— Шире открой!.. Бери, бери... — наставляет отец Феодор, добрый слуга преизобилующего в щедротах Господина.

«Благодарю Тя, Господи, Боже мой, яко не отринул мя еси грешнаго... Ты бо еси истинное желание и неизреченное веселие любящих Тя... и Тя поет вся тварь во веки...» Поет тварь. Ликует, славословит птичка, что выпорхнула из руки Радостного Младенца, шепчет, благоухает былие всякое, и легким кадилльным дымком стелется предутренний туман над тихим озером...

Светлый, милостивый солнечный день так и остался в душе, глубоко, как робкая надежда, что будет «день невечерний», и в сиянии Вечного Солнца встретит, укроет крылом и будет предстательствовать и за нас благодатный старец.

Час смертный

Русскому народу свойственна покорность. Ее признаки проявляются в выносливости, отличавшей еще предков славян. Она помогала им переносить суровые лишения, неблагоприятные или враждебные условия жизни. Покорность же проявляется и в податливости, гибкости, применяемости и приспособляемости к самым различным обстоятельствам. И — терпение, доверчивое долготерпение русского народа, его безропотность в тяжелых испытаниях... Все это — проявление покорности. С покорностью перед неизбежным принимает русский и свой «час смертный».

Тургенев в своем рассказе «Смерть» дважды восклицает: «Удивительно умирают русские люди!..» — и приводит несколько примеров: смерть подрядчика на лесной порубке, мельника, недоучившегося студента Авенира

Сорокоумова, помещицы. Во всех примерах видна эта русская покорность, но наряду с нею и забота, попечение о земном, вплоть до последней минуты. Нет в этих смертях прорывов в иное бытие, крылатой устремленности души, благодатной озаренности отблесками вечного света и просветленности его силой. И у Льва Толстого, в рассказе «Три смерти», дерево и ящик умирают со стихийной покорностью, подчеркивая мучительно-отчаянную сутолоку безнадежной борьбы со смертью «ширкинской барыни».

В такой стихийной покорности выражается инертность материи, а не свободное просветляющее веяние духа. Для достижения этого просветления низшая природа должна приучиться служить высшему, стать послушным орудием духа. Такой подвиг служения необходим для природных сил, без этого подчинения они неминуемо увлекутся своим стихийным движением. Только служение Богу, покорность единственно Его святой Воле может дать истинную просветленность.

Благодатное просветление природной покорности видно у Лукерьи из рассказа Тургенева «Живые мощи». Однако Лукерья — уже подвижница, хотя бы и невольная. В страданиях своих она примирилась с Божественным Промыслом о себе: «... На что я стану Господу Богу наскучать. О чем я Его просить могу? Он лучше меня знает, чего мне надобно. Послал Он мне крест — значит, меня Он любит...»

Но картину полного претворения покорности в ясную просветленность и благолепность «часа смертного» дают записи очевидцев, присутствовавших при кончинах подвижников валаамских, тоже простых русских крестьян. Вот эти записи:

«5 июня 1921 г. скончался у нас на Валааме простой старец — схимонах о. Сила. Жил он в Предтеченском скиту, а когда ослабел, то перешел на больницу, где, постепенно изнемогая телесными силами и угасая, приближался к кончине. Его, по обычаю, соборовали и часто причащали Святых Тайн. В последний день его жизни больничный духовник зашел проведать его уже поздно вечером и, видя его совсем ослабевшим, сказал:

— О. Сила! Я тебя сейчас причащу Христовым Тайнам.

— Хорошо, причастите, — так же просто ответил умирающий.

Духовник быстро спустился в больничную церковь и, взяв Запасные Дары, прочитал положенные молитвы и причастил старца. Затем, поздравив его с принятием Святых Тайн и попрощавшись с ним, ушел.

В час ночи о. Сила тихо и мирно предал дух свой в руки Божии».

«Простым старцем» называет о. Силу монашеская запись, и проста смерть его. Проста, как тихий конец мирного дня, когда гаснут последние

отблески света на облаках, проносится свежий ветерок и трепетно загораются первые звезды бесконечного простора вселенной. И сколько величия в этой благословенной простоте. «Смерть! Где твое жало?!» (1 Кор. 15, 55).

«Поведал нам на днях монах о. Прокл о мирной кончине старца схимонаха о. Иегудила, которой он был очевидцем. Старца мы знали хорошо, жизни он был святой: кроткий, мирный, молитвенник, имел умиление, так что иногда, и сидя в трапезной, не в силах бывал удерживаться от слез, слушая жития святых. Жил он много лет в скиту Всех Святых. Скончался старец 25 сентября 1895 г. 73 лет от роду. Болел он недолго, когда ослабел, то пришел из скита в монастырскую больницу и назад уж больше не вернулся.

«Я был служителем при больнице, — рассказывал о. Прокл, — и вот как-то однажды подзывает меня о. Иегудиил и с обычной своей кроткой улыбкой говорит мне:

— Брат Павел, потрудись Бога ради, сходи за моим духовником о. Мелхиседеком, пускай прочитает он мне отходную... пора мне помирать...

— Хорошо, батюшка, сейчас схожу, — ответил я.

Должно заметить, что старец в этот день уже причастился Святых Христовых Тайн. Скоро пришел и позванный мною духовник.

— Ну что, о. Иегудиил, разве ты уже собрался умирать? — спросил он старца.

— Да, батюшка, пора, пора уже мне перейти в другую жизнь, помолись за меня, прочитай мне, отче, отходную...

— Хорошо, если желаешь, то я прочитаю, — ответил духовник. — Да только вот какая беда-то приключилась, — вдруг спохватился он, — требник не взял я с собой, надобно за ним сходить.

— Не надо тебе, батюшка, за ним ходить, не трудись. Ты только благослови, а я сам уж все прочитаю.

— Ну что ж, если знаешь наизусть отходную, так и читай, — спокойно ответил духовник и, надев епитрахиль, возгласил:

— Благословен Бог наш...

Умирающий старец, сидя на постели, ясным голосом начал по порядку, указанному в требнике, читать наизусть весь канон Божией Матери и все прочее, вплоть до отпуста. Когда духовник сделал отпуст, о. Иегудиил с великой любовью поцеловал святой крест и взял благословение. Духовник, попрощавшись со старцем, ушел, пожелав ему мирной кончины. Тогда о. Иегудиил, сидя на кровати, сказал мне спокойно:

— Брат Павел, поставь предо мною табуретку.

Я поставил, тогда он потянул подушку, которая лежала сбоку, я помог ему положить подушку на табуретку, как, по-видимому, хотелось старцу. И вот он, с приятным, мирным лицом, стал наклоняться, пока не лег ничком на подушку. Я подошел, желая узнать, не надо ли ему еще чего-нибудь, но старец уже почил о Господе. Незаметно душа его оставила свою земную храмину и отлетела в другой, лучший мир. Как жил он свято и мирно, так и почил.

Достоинно внимания, — заканчивает запись, — то обстоятельство, что старец знал отходную наизусть. Видимо, часто возбуждал он в себе память смертную и благоговейно готовился к ней».

Достоинна внимания и та прозрачная ясность, та полная отчетливость горизонтов мысли о смерти, которой отличаются простые слова говорящих в записи лиц. Здесь нет робкого замалчивания, напрасной надежды, боязливой недоговоренности, суетливой суматохи, обнаруживающих жалко мятущуюся мысль, трусливо прячущую от себя четкую ясность последнего вывода.

Твердо звучит живая вера, прошедшая горнило опытного познания, обретенная в подвигах молитвы, покаяния, воздержания, трезвения, смирения и служения. Та вера живая, что жила и возрастала изо дня в день, проникала непрерывные опыты и испытывалась ими, пока не открылась могучей надеждой на бесконечную милость Божию и с ее высот озирает иссякающее русло жизни.

«Каплям подобно дождевным, злии и малии дние мои, летним обхождением оскудевающе, помалу исчезают уже. Владычице, спаси мя...»¹⁴ — ясным голосом читал о. Иегудиил свою отходную.

«11 января 1922 г. скончался монах о. Наум. Прожил он на Валааме почти двадцать три года. Послушание проходил в рухольной, выдавая братии одежду и обувь. Всегда был он неизменно добр и услужлив. Очевидно, имел он еще и тайные добродетели, если такую мирною и христианскою кончиною призвал его Господь из сей скорбной и многмятежной жизни в будущую, вечную жизнь.

Перед тем как прийти в больницу, болел он дней пять. Наш доктор о. Андрей определил у него заворот кишок и предложил ему отправиться в г. Сердоболь, дабы сделать операцию и тем спасти жизнь. Однако о. Наум заявил, что в Сердоболь ехать не желает и не поедет. Если Господу угодно, чтобы он помер, то и слава Богу, ведь уже 59 лет минуло, будет, пожил. Лучше умереть в святой обители, среди своей братии, чем в

¹⁴ Канон молебный на исход души.

Скит Всех Святых. Нач. XX в.

чужом месте, среди иноверцев. Так он и не поехал. Болезнь усиливалась, но до самой смерти он остался и спокойным и в полной памяти.

Причастили его Святых Христовых Тайн, а в день смерти, уже вечером, доктор, видя его ослабевающим, предложил еще раз причаститься, на что он с любовью согласился. Его причастили и предложили собороваться. И на это он охотно дал свое согласие. И вот, держа свечу и полагая на себя крестное знамение, молился он Господу. Когда от слабости он не был в состоянии держать свечу, то отдал ее. Между тем соборование подходило уже к концу, и, по чину таинства, положили ему на голову Святое Евангелие при чтении заключительной молитвы. В ней, как известно, от лица

совершающего таинство говорится: "Не полагаю руку мою грешную на главу пришедшего к Тебе", но "Твою руку крепкую и сильную, яже во Святом Евангелии сем..." Вот во время произнесения этой главной в таинстве молитвы о. Наум тихо, мирно и почти незаметно для глаз предал душу свою во Святейшие и Всесильные Руки Господа, словно не умер, а заснул тихим и сладким сном. Поистине — это не смерть, а мирное усупение. Слава Богу, устрояющему такой благословенный конец рабам Своим».

«В скиту Всех Святых жил в течение семнадцати лет иеросхимонах о. Антипа, проводивший аскетическую и молитвенную жизнь, подвизавшийся ранее на Афоне. Когда приблизился он к смерти, заболел и стал слабеть, то братия скита и монастыря приходили посетить и попрощаться с ним. Пришел и хозяин скита, монах о. Феофил, и, желая повеселить большого старца, как это обычно делают с больными людьми, сказал:

— Ничего, не унывай, ты еще поживешь с нами. Желая тебе поправиться и тогда снова, как и раньше, будешь пребывать в добром здравии.

— Что ты, что ты говоришь, о. Феофил, — возразил старец, — напрасно ты мне желаешь, чтобы я поправился, разве мало я жил на этом свете. Мало разве я терпел ради Бога и скорбей, и напастей, и болезней. Нет, довольно уж мне жить, пора окончить земную жизнь, чтобы по милости Божией успокоиться от всего и со Христом быть неразлучно во веки. Не желай и не моли Бога, чтобы я поправился, пора мне отойти к отцам моим.

На смертном одре своем не мог уж старец читать акафист Пресвятой Богородице, как имел он обыкновение делать это ежедневно. Убеждал он, бывало, и других делать это, уверяя, что если кто будет ежедневно читать этот акафист Царице Небесной, то не умрет внезапной смертью. Ученики его старались посылно исполнять эту старческую заповедь. И вот, когда старец, напутствуемый всеми христианскими таинствами, приближался к смерти, пришел попрощаться с ним и один из учеников его, слепой монах о. Агапит. Понимая, что старец вследствие крайней слабости уже не может говорить, и помня старческое наставление читать ежедневно акафист, он решил сам прочесть его за старца. Зная акафист наизусть, он и начал громко читать его. Умирающий, по-видимому, внимательно слушал свой любимый акафист. Лицо его приняло вид полного спокойствия, дыхание становилось все тише и тише, и на седьмом кондаке, когда о. Агапит произносил слова: "Хотящу Симеону от нынешняго века преставитися престелнаго..." — старец мирно предал дух свой Богу, отойдя от "престелнаго века сего" в мир духовный на вечную радость и покой»¹⁵.

¹⁵ Рукописный Валаамский патерик.

Об о. Иоанне Молчальнике в жизнеописании его рассказывается, что «в последние дни земной жизни о. Иоанн ходил уже, как тень, в совершенном изнеможении сил, и виднелись у него одни кости, кожей обтянутые. Простаивая продолжительное всенощное богослужение, он изнемогал до последней крайности, но оставить службу и уйти не решался.

За неделю до смерти старец, чувствуя все большее и большее изнеможение сил телесных, сознавая, что он иногда своим словоохотливым языком лишнее что-либо скажет, и памятуя, что за каждое слово праздное предстоит нам дать ответ на Страшном суде Божиим, возжелал вновь предпринять прежний подвиг — совершенного молчания — и пришел к о. игумену Гавриилу с просьбой: "Батюшка, повесь опять замок на мой язык, а то я забудусь и наговорю лишнее". Но смертельная болезнь дала только пять дней для выполнения вновь принятого на себя подвига. Накануне дня смерти просил старец, если доживет до утра, утром пособоровать и причастить его.

— Ну, — сказал о. игумен, — если доживешь до утра, исполним твое желание, а если Бог позовет раньше утра, то ведь ты, старец, уже напутствован в жизнь вечную, ты недавно соборован и дня два тому назад приобщался Святых Тайн.

— Так-то так, — отвечал старец, — но все бы не худо и еще пособороваться и приобщиться.

— А может быть, ты еще поправишься, — сказал о. игумен.

— Нет, нет, уж не поправлюсь. Я чувствую, что уж конец моей жизни пришел.

— Ну иди с Богом, коли собрался в вечную жизнь, — сказал о. игумен и, благословив старца, простился с ним.

Вечером о. Иоанн стал еще более слабеть и изнемогать. Ему прочитали отходную. А на другой день, в 9 часов утра, старец тихо и мирно предал душу свою Господу».

«Об о. Никите знаем, что хотелось ему умереть на Святую Пасху. Об этом и молился он, и высказывал кое-кому свое заветное желание. Рассказывал монах о. Лонгин, как случилось ему присутствовать при разговоре двух старцев. Дело было в скиту Всех Святых. Вошел он в церковь еще до начала службы и застал там старца схимонаха о. Онуфрия, а вскоре пришел туда и о. Никита, приехавший с Предтечина острова, так как был второй день праздника Пасхи. Старцы начали беседовать, и о. Лонгин хотел удалиться, но его остановили и привлекли к участию в беседе. Говорили о смерти, и о. Никита сказал:

— Я прошу у Господа, чтобы мне умереть на Святую Пасху, это мое искреннее желание.

— А я, — сказал о. Онуфрий, — молю Господа и Пресвятую Богородицу, чтобы мне умереть на Успение.

Поговорили старцы еще немного, и так как наступало время богослужения, то попросили друг у друга святых молитв и разошлись.

И вот — скончался о. Онуфрий 17 августа и погребали его 19 августа в поспраздество Успения Божией Матери, а о. Никита скончался в вечер Великой Субботы и хоронили его на третий день Пасхи.

За большим крестом каменным, что стоит высоко-высоко над крутым обрывом, на Предтечином острове, выкопал себе о. Никита могилу и, забираясь в нее, изливался и плакал. Мысль о загробной жизни была для него не сладкой баюкающей мечтой, не "опиумом", усыпляющим невыносимую боль тоски предсмертной. Настойчиво будил он в себе память и страх часа смертного, неколеблемой верой осознал приближение неизреченной, недостижимой уму человеческому тайны и ужасался. "О, како узрю Невидимаго? Како ужасное оно претерплю видение? Како дерзну отверсти очи; како моего Владыку смею видети, Егоже не престаях от юности огорчева я присно"¹⁶. Плакал, быть может, помышляя об этой грозной, великой тайне часа смертного, что предстоит каждому человеку, бессильному своим умом даже коснуться ее. Молитвенно, благоговейно преклонялся перед ней, смиренно готовился лечь телом своим вот в эту самую могилу.

Однако, на этот раз не устроилось так, как думалось. Выстроили поблизости от приготовленной могилы новую келлию, и приказал о. Никита тогда о. Пионию закопать ее. С тех пор мечтой его стало — лечь в могилу за алтарем храма скитского. И во время предсмертной своей болезни заботился старец, испрошено ли на это благословение игуменское да привезен ли гроб, так как наступала распутица, шла Страстная седмица. Еще готовил себе одежду для погребения и распорядился, чтобы в день тот угостили бы скитскую братию чайком.

В Великий Четверг духовник, причастив старца, справлялся:

— Батюшка, завтра Великая Пятница, литургии не полагается служить, а до Субботы доживешь ли ты?

— Доживу, по милости Божией...

Вот дождуся, по милости Божией, Субботы, а вы снесите и вынесите, я буду в первый день стоять с вами в церкви, а разговляться вы все будете в монастыре, — сказал о. Никита.

¹⁶ Канон молебный на исход души.

После трапезы, около двух часов дня, иеромонах И. опять навещил старца и сказал ему:

— Ну вот, о. Никита, завтра, Бог даст,ждемся Светлаго Христова Воскресения, я уж поспешу, и думаю, что в половине третьего часа ночи кончится литургия, я тебя кряду же и причащу.

Но старец стал говорить об "успении", давая иносказательно понять, что он умрет.

— Так вот, я помру, ты распорядись, чтобы здесь, в скиту, ударили три раза в большой колокол, всякий, кто услышит, что Никита помер и помолится; а то ведь распутица теперь... — сказал старец.

Перед повечерием, в шестом часу вечера, духовник опять посетил о. Никиту и пробыл у него около часу, наконец, старец сказал ему и бывшему тут же монаху П.:

— Время в церковь, идите-ка с Богом.

— Итак, батюшка, завтра благослови тебя причастить.

— Ах о. И., о. И., — сказал старец, — ты иерей Божий и духовник, и все еще не можешь понять меня... Успение будет.

Затем через минуту спросил:

— А сколько теперь времени?

Ему ответили, что седьмой час вечера, тогда он сказал:

— Теперь бояться нечего. Господь уже сошел во ад и разрушил его, — и, обратившись к духовнику, прибавил: — Благослови меня, отче, и поцелуй.

Когда духовник исполнил его просьбу, старец послал его вместе с о. П. в церковь.

— Да пусть хоть о. П. -то с тобою останется, — сказал духовник, — а то с кем же ты будешь?

— С Богом, — ответил старец, — а вы идите и начинайте повечерие.

Совершив повечерие, духовник и о. П. опять пошли к старцу, но нашли его уже бездыханным — старец отошел ко Господу. Положили руку на лоб: он был еще совсем теплый, значит, старец почил незадолго до их прихода, при окончании повечерия, — в семь с половиной часов вечера 21 апреля 1907 г. И так совершилось его успение, о котором старец так настойчиво предупреждал своего духовника¹⁷.

Похоронен о. Никита на любимом Предтечином острове, как хотел он — за алтарем скитского храма. Когда, у могилы уже, в последний раз смотрели на любимого всеми старца и прощались с ним, то был он как

¹⁷ См.: Жизнеописание валаамского подвижника схимонаха о. Никиты.

восковой, рассказывал о. Памва, и такой легонький, что один человек поднял гроб его и поставил в могилу.

Теперь остается рассказать, как уходил от этой жизни схиигумен о. Феодор.

В последний раз виделись мы за месяц-два до его смертельной болезни. Старец поливал свой большой огород, ухаживал за яблоньками, производил все нужные в хозяйстве работы, ездил один на лодке в монастырь, туда и обратно, что составляет около четырнадцати километров, наконец — поднимался на высокую и крутую гору Воскресенского скита, чтобы побывать у нас и порадовать гостинцем: удивительными, душистыми ягодами клубники, сладкими помидорами или яблочками. Ничто, казалось, не предвещало его близкой кончины, ничто, за исключением самого старца, который постоянно возвращался к этой теме. Временами, правда, он жаловался на слабость, но, по-видимому, не эти недомогания заставляли его говорить о своей приближающейся кончине. Говорил он об этом и тогда, когда выглядел совсем бодрым, полным сил. В октябре он стал чувствовать себя хуже настолько, что согласился, по совету доктора, приехать в монастырскую больницу. Приехал, по обыкновению, один в своей лодочке, но пожил там недолго, всего неделю, ему стало лучше, и он поспешил скорее уехать в свою любимую пустыньку на Порфирьевский остров. О дальнейшем рассказывает о. Иувиан так:

«Спустя некоторое время о. Феодору опять стало хуже, но он все-таки старался бывать в монастыре каждый понедельник. Эти его посещения прекратились в середине ноября. Обеспокоенные этим обстоятельством, мы с о. Иеронимом, монастырским доктором, поехали на лодке к о. Феодору вновь 17 декабря. Старец встретил нас с живой радостью, но сильно изменившимся. "Это уж Сам Бог послал вас", — сказал он.

Оказалось, что этой ночью он очнулся лежащим на полу своей келлии и долго не в состоянии был подняться и что-либо сделать. С большим трудом удалось ему поставить самовар и согреться горячим чаем. По совету доктора, старец решил немедленно ехать в монастырь. Но, со свойственными ему любовью и редким радушием, пожелал угостить нас чаем в последний раз в своей пустыньке.

Это было незабываемое чаепитие: о. Феодор с радостью говорил о своей близкой смерти и о предстоящей встрече с дорогими ему отцами и братьями. Целых два часа длилась эта прощальная беседа, после чего,

помолившись Господу Богу в доме и в часовенке прп. Серафима, что на его островке, мы двинулись в последний для о. Феодора путь, на лодке по монастырским заливам. Ехали в глубоком сосредоточенном молчании, и казалось нам, что о. Феодор прощается со всеми столь глубоко любимыми им местами. Приехав в монастырь, он прошел прямо в больницу, где и водворился в ожидании смертного часа.

Предсмертная болезнь старца длилась ровно два месяца, в течение которых он угасал, как догорающая лампада. В течение всего этого времени до момента кончины о. Феодор пребывал в полном сознании, сохраняя всю ясность ума и рассуждения. Предсмертная болезнь его протекала, как говорится, на ногах, так как все время, насколько позволяли ему силы, он старался как можно меньше пользоваться услугами больничных служителей и первое время ходил к монастырским службам. Только лишь в последние дни он слег в постель, когда телесные силы стали его покидать. В продолжение болезни о. Феодор часто приступал к принятию Святых Христовых Тайн и пожелал принять таинство елеосвящения. Последние дни он уже ничего не вкушал и только изредка и понемногу пил прохладительный морс. В эти последние и предсмертные дни его он уже стал затрудняться говорить с посещавшими его братьями, но, пребывая в полном сознании, находился в постоянной сокровенной молитве.

С 6 февраля о. Феодор окончательно слег на свой предсмертный одр и уже не выходил из своей больничной келлии, но все же и тут он не прибегал к посторонней помощи и услугам. С 15 числа старец уже вполне определенно говорил о приближении своего смертного часа, хотя особенной слабости за ним не наблюдалось. К этому дню о. Феодор закончил все свои земные дела, сделал нужные распоряжения, и, одним словом, с этого дня он отрешился от всех земных забот, попечений и принадлежавших ему вещественных предметов. Теперь старец как бы предстоял пред Господом, пребывая в непрестанной молитве и в уповании на милость Божию, смиренно ожидая смертного часа. 17 числа, в присутствии посетившего его настоятеля о. игумена Харитона, на его слова, сказанные схимонаху о. Николаю, находившемуся тут же, что о. Феодор, может быть, еще поправится, последний, услышав это, твердо и решительно сказал, что он "не поправится, а через сутки отправится". 18 февраля, в день кончины, старец был в полном сознании, в последний раз принял Святые Тайны Христовы и пожелал отслушать Канон на исход души.

Как пустынножитель и любитель безмолвного уединения, он принял кончину в тот момент, когда остался совершенно один в своей келлии. Из окружавших его братии никто не предполагал столь быстрой его кончины. В седьмом часу вечера, когда больничные братья ушли для вечернего трапезования, в эти именно минуты старец почил о Господе. За четверть часа перед этим братия оставили о. Феодора в полном сознании, а когда вновь пришли к нему, то нашли его благолепно почившим, со сложенными на груди руками, с лицом, исполненным невозмутимого покоя.

Так уходят с земли благодатью просветленные старцы, оставляя ее оскудевшей радостной ласковостью, бодрым назиданием и глубоким, в простоте своей, словом на пользу душевную».

Оглавление

Предисловие	3
Предтечин остров	4
Старец-пустынный	41
Час смертный	51